

18+

Николаева Марина

Лабиринт

Николаева Марина

Лабиринт

«Издательские решения»

Марина Н.

Лабиринт / Н. Марина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536309-1

Наконец-то удача улыбнулась старику Смиту и его дочке Элизе! Случайный собутыльник из трактира оказался большим человеком и выхлопотал для Элизы выгодное место. Теперь она — личная помощница богатой графини, что недавно купила имение у реки. Но что будет делать бедолага Смит, когда узнает, что графиня — могущественная ведьма, ее замок — прибежище темных сил, случайный собутыльник из трактира — оборотень, а Элиза — жертва, которую совсем скоро принесут прародителю тьмы?

ISBN 978-5-00-536309-1

© Марина Н.
© Издательские решения

Содержание

Лабиринт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лабиринт

Николаева Марина

© Николаева Марина, 2024

ISBN 978-5-0053-6309-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лабиринт

Черный ворон нехотя сорвался с надгробного креста и, хрипло и недовольно каркая, переместился на ближайшее дерево. Умиротворение заброшенного кладбища нарушали теперь лишь звуки чьих-то осторожных шагов.

В весеннем сумраке, пригибаясь как можно ниже к земле и стараясь не шуметь, между сырых от недавно прошедшего дождя крестов и монументов перемещались двое мужчин.

Шедший впереди крепкий рослый мужчина лет шестидесяти, в серой грязной рубаше с закатанными рукавами, поверх которой надет был кожаный коричневый жилет, в старых, выдавших виды брюках и стоптанных от многолетней носки коричневых же кожаных ботинках, очевидно, вел своего пособника к хорошо знакомому ему месту.

Смуглое подвижное лицо его блестело мелкими каплями пота, которые он периодически смахивал. Из-под старой соломенной шляпы старика торчали длинные седые волосы. Прищуренный взгляд подслеповатых уже, выцветших голубых глаз он с мольбою устремлял в багровеющее закатом небо, как будто ища там поддержки.

На его поясе в кожаной кобуре висел массивный револьвер, к которому он периодически прикасался для успокоения. В левой руке старик нес завернутые в мешковину лопаты, в правой – железный лом.

Несмотря на довольно внушительный рост и несомненную физическую силу, видно было, что мужчина почти не справляется с обуревающим его страхом и еле сдерживается, чтобы не сорваться и не побежать назад, прочь из этого леденящего кровь места.

Так оно и было. Старику казалось, что еще чуть-чуть и нервы его не выдержат, он закричит или сойдет с ума от ужаса. Беззвучно, одними губами шептал он слова заученной в детстве молитвы, прося о помощи и защите своего небесного покровителя и стараясь обуздать дикий, поглощающий его все больше с каждой секундой страх.

Но он не мог дать себе слабину именно сейчас. Сейчас, когда пути назад уже не было. Его спутник ни в коем случае не должен был даже догадаться о том ужасе, который ледяными волнами окатывал его проводника.

Преодолевая эти естественные для любого человека чувства, старик, молясь и вытирая струившийся по лицу пот, продолжал двигаться вглубь мрачного, медленно поглощающего их пространства.

Напарник его, казалось, не был так напуган, но все же неуверенность в совершаемых ими действиях читалась в его серых беспокойных глазах.

Это был молодой мужчина лет двадцати, высокий и стройный. Его красивое лицо с тонкими, как будто нарисованными художником чертами было бледным и сосредоточенным. Хороший костюм, поверх которого накинута была летняя плащ, новая шляпа и перчатки из дорогой кожи выдавали в нем человека небедного.

Внутреннее чутье молодого человека предсказывало ему приближающееся с каждой секундой событие, способное перевернуть его сознание, а он не был готов к этому. Но так же, как и его спутник, юноша не собирался отступать перед своими страхами и пытался сдерживать нарастающее волнение.

– Уже почти пришли, мистер Эдвард, – прошептал старик, стараясь говорить как можно увереннее, – это за тем дубом.

Он остановился, пытаясь отдышаться и взять себя в руки.

– Вы же не передумали, мистер Эдвард? Это наш единственный шанс!

Оглянувшись, он умоляюще посмотрел на своего спутника, пытаясь понять, сумеет ли тот выполнить обещание, данное ему несколько часов назад, не испугается ли и не покинет в эту жуткую минуту.

Старик понимал, что один он не справится со страшной и невыполнимой для простого смертного задачей, которую им предстояло решить.

Без помощи Эдварда все его усилия будут тщетны.

– Нет, мистер Смит, я буду с вами до конца! – дрожащим от волнения голосом ответил молодой человек, снимая шляпу.

Он достал из кармана сюртука белоснежный платок и спешно вытер пот с высокого чистого лба.

– Я не знаю, что нас ждет дальше, но если вы считаете, что это поможет Элизе, я готов на все!

Благородные слова, пылко сказанные молодым джентльменом, тронули старика. Вытирая потекшие из глаз благодарные слезы, он выпрямился и, чувствуя поддержку, произнес уже немного громче и увереннее:

– Мы спасем ее! Я верю! – он ненадолго замер в спустившейся почти темноте, продумывая дальнейшие шаги. – Самое главное – успеть до полуночи! – подытожил он свои мысли, бодро кивнув. – У нас есть почти три часа. Думаю, этого вполне достаточно, мистер Эдвард. Пойдемте же!

Мужчины обогнули могучий дуб и оказались перед высоким памятным надгробием. Вышедшая в этот момент из-за пелены облаков почти полная луна осветила кладбище мутным лучом, и Эдвард увидел перед собой массивный серый камень.

Естественной природной формы, он не был подвергнут никакой художественной обработке. Необъятных размеров, высотой в человеческий рост, он был похож на скалу, растущую из земных глубин.

На отшлифованной тысячами ветрами поверхности камня было выбито имя, при виде которого у старика затряслись руки, и страх, животный, неконтролируемый и всепоглощающий, вновь завладел им.

– Господи, помоги! Защити нас, святой Патрик! – яростно перекрестившись, застонал старик. – Мистер Эдвард, это здесь! Это она! – дрожа от волнения, мистер Смит повернулся к молодому человеку.

Он смотрел на юношу молящим взглядом, боясь, что тот может отказаться от их задумки, и тогда все для него будет кончено.

Молодой мужчина стоял неподвижно, и взгляд его был прикован к страшному камню. Надгробие притягивало Эдварда, как магнит. Разум его подчинился неведомой, исходящей от камня силе, и ему хотелось просто стоять и смотреть на эти причудливые изгибы камня и читать раз за разом незнакомое имя неизвестной женщины. Ему даже почудилось, что он слышит ее голос.

– Эдвард! – звал его он.

«Какой прекрасный голос! Он чем-то похож на голос Элизы!» – подумалось ему.

Смит, в ужасе от пришедшей догадки, лихорадочно затеребил карманы своих брюк, ища в них что-то. Трясущимися руками он вынул серый, размером с желудь, камень и, вложив его в руку Эдварда, затараторил, извиняясь и оправдываясь:

– Мистер Эдвард, очнитесь! Не поддавайтесь, не слушайте ее. Ах, какой же я глупец! Почему же я сразу не отдал его вам!

Сжимая своими руками ладони Эдварда, он глядел в его затуманенные глаза, ожидая, когда тот придет в себя. Несколько минут стояли они в этом странном состоянии: один в полном безволии, другой – в напряжении и ожидании.

Ругая себя последними словами и плача от злости, мистер Смит все сильнее сжимал свои ладони, как будто стараясь усилить и ускорить какой-то одному ему понятный процесс.

Его уверенность в результате была похожа на уверенность доктора, прописавшему больному нужное лекарство и ожидающего, когда же оно начнет действовать.

После нескольких показавшихся Смигу вечностью минут, очнувшись от оцепенения, скованного все его тело, Эдвард, наконец, оторвал взгляд от магнетического надгробия и перевел его на стоящего перед ним старика.

Он ощутил прохладу камня в своих ладонях и силу, с которой Смит сжимал их. Увидев болезненно отчаянный взгляд застывшего перед ним старика Смита, он осознал, что не понимает и не помнит, что с ним происходило последние несколько минут.

Ум Эдварда постепенно прояснялся, но все еще не давал никаких разумных объяснений происходящему. По спине его пошел холод, а сердце застучало, сбиваясь с четкого ритма.

– Что случилось, мистер Смит? Что со мной? – пытаюсь сосредоточиться и вспомнить хоть что-то, произнес Эдвард, отстранившись от напуганного Смита.

Старик отпустил руки Эдварда, и тот, медленно разжав скованные еще от сильного давления пальцы, увидел гладкий серый камень.

– Что это? Что это за камень, мистер Смит? Как он оказался у меня в руках? – уже не сдерживая ужаса, прохрипел молодой человек, дико глядя на камень в своей трясущейся руке.

– О, мистер Эдвард, это все из-за меня! Я так сглупил! – запричитал старик. – Я совсем обезумел от страха и забыл сразу отдать его вам, простите. Прошу вас, просто поверьте мне сейчас и послушайте, – лихорадочно шептал Смит, неуклюже глядя Эдварда по плечам и явно не желая пускаться в долгие объяснения по поводу произошедшего. – Ох, сколько же времени мы потеряли! Старый я болван! Давайте поскорее приступим. Я постараюсь все вам объяснить по ходу дела, но только пойдете, пойдете, мистер Эдвард, а то мы просто погибнем. Но только не потеряйте камень! – воскликнул он, выпучив в страхе глаза и пытаюсь трясущимися от волнения руками засунуть его в карман брюк опешившего Эдварда, – положите его вот сюда и не вздумайте потерять, я заклинаю вас!

Вытерев рукавом рубахи струившийся по лицу пот, мистер Смит торопливо подошел к могильному камню и, обхватив его руками, начал действовать.

– Мистер Эдвард, скорее! Первым делом нам нужно сдвинуть его!

Эдвард, не задавая никаких вопросов, решил следовать указаниям старика, уверенного в своих действиях и явно понимающего и знающего больше, чем он сам.

Молодой человек снял с себя шляпу, плащ, сюртук и аккуратно положил их возле дуба. Расстегнув жилет и распустив шейный платок, он закатал рукава белоснежной рубашки и подошел к камню сзади – туда, где уже стоял мистер Смит. Оба они обхватили камень руками.

– Давайте, мистер Эдвард, двигайте его, двигайте вперед, – кряхтя от натуги, выдавил из себя мистер Смит, пытаюсь сдвинуть дьявольский камень.

Краснея от прилагаемых усилий и вытирая с лица текущий ручьями пот, на протяжении некоторого времени мужчины вели безрезультатный бой с чертовым камнем, который не поддавался и не желал уступить.

Они подходили к нему с разных сторон, пытаюсь поддеть снизу и пробуя расшатать хоть как-то вросшую в землю глыбу. Они окопали камень со всех сторон, стараясь добраться до его основания, но и тут их ждала неудача. Камень похож был на вершину айсберга, основная и наиболее значительная часть которого была скрыта где-то глубоко под землей.

Вскоре, смертельно уставшие, грязные и озлобленные, они сели у злополучного камня, опершись на него спиной. Они сидели молча, пытаюсь отдышаться и привести в порядок мысли, носившиеся в их головах.

Дрожащими от напряжения руками Эдвард достал из внутреннего кармана испорченного безвозвратно жилета серебряные, на длинной цепочке часы и, откинув крышку, попытался в ночной уже темноте разглядеть, сколько времени еще есть у них до полуночи.

– Который час, мистер Эдвард? – тяжело дыша, спросил Смит.

– Я не могу рассмотреть, слишком темно, – пытаюсь увидеть хоть что-нибудь, поворачивая часы под разными углами, задыхаясь, ответил Эдвард.

– Господи, ну почему ты не хочешь нам помочь? – обреченно заскулил мистер Смит, еле сдерживая подступающие слезы.

Как будто издеваясь над неудачливыми партнерами, в это самое мгновение из-за плотных облаков сквозь небольшое рваное пространство пробился луч луны, осветив проклятое место. Одновременно взгляды мужчин устремились на циферблат фамильных часов, и ужас отразился на лице одного и вопрос на лице другого.

– Проклятье! – вскричал, вскакивая с земли, мистер Смит. – Поднимайтесь, поднимайтесь скорее, Эдвард!

Старик был так напуган, что забыл о правилах приличия и обратился к своему благородному помощнику просто по имени.

– Мистер Смит, – поднимаясь с земли и еле сдерживая охватившее его раздражение, заговорил Эдвард. – В конце концов, вы дадите объяснение всему происходящему? Я хочу знать, какого черта мы тут делаем? Зачем вам понадобилось вскрывать эту могилу? Если нас обнаружат, вы знаете, что ни вам, ни мне не оправдаться за эти безумные действия.

– О, мистер Эдвард, заклинаю вас, только не сейчас! У нас совсем не осталось времени, нужно спасаться! – наскоро собирая брошенные на землю инструменты, зашипел старик. – Я все объясню вам, как только мы выберемся отсюда.

– Если быть до конца откровенным, мистер Смит, я очень сожалею, что поддался на ваши уговоры. Более глупо я не чувствовал себя никогда.

Эдвард, стараясь сдержать подступающую все больше с каждой минутой злость, пытался найти оставленные им возле дуба вещи.

– Это была моя ошибка, – продолжил он. – Теперь я вижу, что вы действительно... – он замолчал, не решаясь закончить неприятную мысль.

– Что, мистер Эдвард, договаривайте, что вы хотели сказать? Что я действительно сумасшедший? Это вы имели в виду? – Смит почти вплотную приблизился к молодому человеку, пытаясь разглядеть в тусклом лунном свете его глаза.

– Я, я совсем не это хотел сказать, мистер Смит.

Чувствуя, что поступил бестактно, юноша отвел глаза, спасаясь от пристального взгляда старика. Он лихорадочно пытался найти оправдание грубым словам, неосторожно произнесенным им в гневе.

– Я имел в виду, что вы действительно очень тяжело переносите эту общую для нас утрату.

Опасаясь реакции старика, Эдвард сделал шаг назад от напугавшего на него Смита.

– Она не умерла! – почти закричал ему в лицо мистер Смит, напугав Эдварда еще больше. – Не смейте! Слышите, не смейте так думать! Это все неправда! Все, что вам наговорили про меня и про Элизу – это ложь!

Старик говорил громко и яростно, выпрямившись во весь рост и забыв об осторожности, к которой сам же призывал еще несколько минут назад. Его указательный палец трясся возле самого носа Эдварда, а глаза блестели слезами праведного гнева. Эдварду стало страшно.

«Господи, да он и правда тронулся! – подумал он, пытаясь понять, как успокоить разбушевавшегося Смита и увести его с кладбища. – Только бы добраться до дома. Завтра же пошлю за доктором Ладлоу, и он подскажет, как помочь бедняге. Каким же я был идиотом, когда слушал его! Но он был так убедителен! Я и впрямь поверил, что Элиза жива!»

Эдвард решил, что не будет больше перечить больному человеку и постарается как можно скорее довести того до дома. Он смело посмотрел в глаза рассерженного старика и попытался сгладить конфликт.

– Мистер Смит, я понимаю вас, – начал он. – Я на вашей стороне. Вы же знаете, как я любил, то есть как я люблю Элизу! Я готов на все ради нее. Мы ведь хотели обвенчаться, и я собирался просить у вас ее руки. Будьте же справедливы ко мне. Я выслушал вас, когда вы пришли с просьбой о помощи, и я здесь вместе с вами, не так ли? Я помогаю вам, чем могу, даже не получив никаких вразумительных объяснений всем тем странным, если не сказать преступным действиям, которые мы с вами совершаем на этом кладбище! Разве это не доказательство моей преданности?

Смит, приходя в себя после вспышки совсем не характерного для него гнева, осознал вдруг, что повел себя несправедливо по отношению к Эдварду, который действительно пытался помочь ему.

Он обмяк и, часто кивая головой, отступил назад. Ему было так неловко. Он стоял, обреченно опустив голову, и не знал, как оправдаться за свой неуместный всплеск эмоций. Кроме того, к несчастью для себя, Смит понял, что Эдвард все же не верит ему, и чувство полного бессилия охватило старика.

– Простите меня, мистер Эдвард, я не хотел напугать вас. Простите, если сможете, – еле слышно произнес он, не поднимая головы и скрывая выступившие слезы.

Смит решил, что больше не будет рассчитывать на помощь этого юноши. Он будет бороться сам. Кто бы не угрожал его девочке, будь то человек или сам дьявол, он спасет ее. Он победит всех, преодолеет любые препятствия. Ведь именно это он и делал всю их с дочерью жизнь – оберегал, помогал и защищал от любых неприятностей. Только он – единственная надежная опора Элизы, и он не подведет ее. Да, так и будет! Но сейчас отчаявшемуся старику нужно было как можно скорее увести Эдварда с кладбища.

– Пойдемте, мистер Эдвард, я выведу вас отсюда, – тихо сказал старик.

– Да, конечно, пойдемте, – радостно кивая, согласился юноша.

Они направились к выходу, но не успели сделать и нескольких шагов, как земля под их ногами задрожала и начала гудеть. Гул этот стремительно разрастался, заполняя пространство вокруг и оглушая испугавшихся не на шутку мужчин. Со всех сторон, взявшись из ниоткуда и сбивая с ног, задул ураганный ветер. Небо отчаянно загрохотало.

Молнии резали его, освещая землю короткими вспышками. Смит и Эдвард стояли, закрываясь руками от бешеного ветра и пытаясь удержаться на ногах. Казалось, еще чуть-чуть, и содрогающаяся под ними земля разверзнется и поглотит их в свои адские глубины.

Сумасшедший ветер закружил ворох прошлогодних листьев, поднял их и швырнул в лицо скулящему от страха Эдварду. Песок и частицы сухих листьев попали ему в глаза, забили нос и рот. Юноша отчаянно закашлял.

Он тер глаза, чувствуя, как колют их острые песчинки. Сами собой хлынули слезы. Сквозь мутную пелену Эдвард видел царившее кругом безумие и сам был уже на грани потери разума. Деревья вокруг качались и стонали, как живые. Их изогнутые, похожие на гигантских змей корни наполовину высунулись из земли. Еще немного, и они выберутся из темных недр и расползутся вокруг.

«Господи, что происходит?» – кричал про себя Эдвард. Не в силах сделать ни шага, он попытался глазами найти Смита.

– Мистер Смит, где вы? – прокричал он в пустоту.

– Я здесь, мистер Эдвард, – где-то совсем близко, справа от себя услышал он голос Смита. – Нам нужно убираться отсюда! – проревел старик, продираясь к нему сквозь ураган.

Сильные руки Смита сгребли растерянного Эдварда в охапку и бесцеремонно, как мешок с углем, потащили куда-то в кромешной темноте.

– Там есть часовня, нам нужно спрятаться! – Смит остановился, переводя дух и пытаясь поставить на ноги ошеломленного Эдварда.

Тот, почувствовав под ногами землю, попытался встать, но ноги его не слушались. Он качнулся, хватаясь за стоящего перед ним Смита. Ему стало страшно от мысли, что мистер Смит может оставить его здесь, в этом кошмаре, и он вцепился в него, боясь разжать руки. Старик, стараясь хоть как-то приободрить напуганного до полусмерти юношу, отцепил его руку, яростно впившуюся в рукав его рубахи, и крепко сжал ее в своей.

– Я с вами, мистер Эдвард, не бойтесь!

Юноша закивал в ответ, не в состоянии произнести ни слова.

– Нам нужно поторопиться, если мы не хотим лишиться жизни, – стараясь перекричать стихию, произнес мистер Смит, глядя на Эдварда. Тот вновь кивнул в ответ. – Быстрее, быстрее!

Крепко держа юношу за руку, пробираясь среди крестов и надгробий, спотыкаясь и падая, мужчины двигались к выходу с кладбища, где, как вспомнил Эдвард, он видел ту самую часовню, о которой сказал Смит.

Старик, боясь, что в этой дьявольской буре он выбрал неправильное направление, стараясь найти хоть какие-то знакомые ему ориентиры. Луна, в очередной раз выглянувшая из темных небес, осветила старое кладбище, и мистер Смит, полагавшийся до этого только на интуицию, к радости своей увидел, что они почти у цели. Впереди, в нескольких метрах от них виднелись полуразрушенные стены часовни.

—

Небольшое строение с истерзанными временем кирпичными стенами было изъедено сыростью. Черные пустые глазницы окон и при дневном свете выглядели жутко, а теперь, в безумии дьявольской ночи, были просто ужасающими. Но именно это страшное место было сейчас единственной надеждой на спасение мужчин.

Каждый из них, забыв обо всем на свете, подчинился сейчас единственному инстинкту – выжить. Они устремились к божьему некогда дому, уповая на удачу и милость свыше.

Арочный вход часовни оказался таким низким, что им обоим пришлось согнуться почти вдвое, чтобы войти туда. Как только они перешагнули порог часовни и упали на сырые камни в самом дальнем ее углу, прижавшись друг к другу, тяжело дыша и пытаясь рассмотреть хоть что-то в кромешной темноте, за стеной их убежища, совсем рядом со входом, раздался протяжный душераздирающий вой. Волосы на головах напуганных до смерти мужчин встали дыбом.

Вой этот и звук тяжелого дыхания большого, судя по всему, животного привел их в полное оцепенение. Не смея пошевелиться, мужчины замерли в надежде, что зверь не учует их и не расправится с легкой для него добычей.

Густой запах влажной, то ли собачьей, то ли волчьей шерсти проник в часовню. По всей видимости, зверь стоял у самого входа, собираясь войти.

От накопившегося и достигшего высшего предела напряжения мистер Смит чуть было не закричал, но Эдвард, чудом заметив это, зажал рот старика рукой и, поднеся указательный палец к губам, дал знак успокоиться.

Запах псины усиливался с каждой секундой, и вот уже стали слышны неторопливые шаги животного, которое, ступая по шуршащим листьям, явно приближалось. Чувствуя, что теряет над собой контроль, мистер Смит обмяк и сполз по старой кирпичной стенке, на которую оба они опирались.

Эдвард же, пытаясь взять себя в руки, плохо справляясь с нервной дрожью, попытался достать из кармана Смита револьвер, готовясь в одиночку сразиться с надвигающимся злом.

Ему удалось это сделать, и он, нацелив оружие на вход, взвел курок.

Два желтых глаза загорелись у входа в ненадежное прибежище, и во время очередной вспышки молнии Эдвард увидел гигантскую волчью голову с огромной, сверкающей обнаженными клыками пастью.

Невообразимых размеров зверь стоял прямо напротив него, но, казалось, еще не видел никого, пригнувшись и прислушиваясь.

Волк стоял, ощерившись, водя ушами и подергивая ноздрями, готовый к смертельному прыжку.

– Вард, ко мне! – стальной женский голос зазвенел над кладбищем. Протяжный и бесцветный, но в то же время властный – он пронзил пространство, поглощая все остальные звуки.

Зверь, взвизгнув, сорвался с места и устремился в темноту.

«Господи, этого не может быть! Это непостижимо!» – Эдвард, в ужасе от всего увиденного и услышанного, сидел, поддерживая одной рукой потерявшего сознание старика Смита, а другой сжимая револьвер.

Он кое-как совладал с собой и, отложив в сторону револьвер, аккуратно уложил старика Смита на сырой каменный пол часовни. Нужно было привести его в чувство, и Эдвард, боясь издавать громкие звуки, принялся несильно хлопать того по щекам, шепотом зовя по имени.

Старик открыл глаза, и взгляд его, дикий, наполненный ужасом, остановился на склонившемся над ним Эдвардом. Бушевавший за стенами часовни ураган стих. Уже не слышно было ни гула, ни завываний ветра. Напротив, казалось, вокруг царит непривычное для них безмолвие.

– Тише, мистер Смит! Я умоляю вас, тише! – Эдвард помог старику сесть и как только понял, что старик окончательно пришел в себя, продолжил. – Что все это значит, мистер Смит? Что происходит? Кто это? Объясните мне, или я сойду с ума!

Молодой человек растерянно смотрел на старика, понимая уже, что все то небольшое, что он успел узнать от Смита о произошедшем с ним и его дочерью, скорее всего, правда.

– Я же говорил вам, мистер Эдвард! Это дети дьявола! Я говорил! – старик, расстегивая ворот душащей его рубахи, зашептал горячо и быстро. – Вы думали, я сошел с ума, но нет, это совсем не так. Я и сам думал, что свихнулся, мистер Эдвард, пока не узнал, что на самом деле произошло со мной и Элизой. Но сейчас не время для беседы. Мы должны спрятаться и не попасться на глаза этим дьявольским отродьям, ведь кроме нас никто не сможет спасти мою девочку, помните об этом. Никто, кроме нас не сможет ей помочь. Поэтому давайте замолчим и дождемся рассвета. Если нам посчастливится выжить, я расскажу вам все, что знаю.

Эдвард согласно кивнул. Стараясь не шуметь, они уселись на холодные камни и замерли, вознося молитвы о спасении.

Время тянулось мучительно медленно. Эдвард и Смит не сдвинулись ни на дюйм с тех мест, на которых замерли несколько часов назад. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, с ужасом вглядываясь и вслушиваясь в темноту. Им казалось, что прошла целая вечность, но тьма, окружавшая их, все никак не рассеивалась.

Усталость и пережитый ими ужас сделали свое дело. Оба они закрыли ненадолго глаза, давая им отдохнуть от чрезмерного напряжения. Смертельная усталость навалилась на них, и сон, затягивающий и мгновенный, поглотил обоих.

—

– Карр!

Хриплый крик старого ворона выдернул спящих мужчин из сна. Вскочив на ноги и не соображая, где находятся, оба они в ужасе рванули в разные стороны.

Онемевшие за ночь тела не позволили им сделать и пары шагов – мужчины рухнули на каменный пол и застонали, корчась от боли в затекших ногах и руках. Тысячи острых иголок пронзали их изнутри, не давая шанса думать о чем-либо, кроме этих мучительных ощущений.

Они лежали, растирая непослушные конечности. Пережитые страхи ночи, заглушенные ненадолго болью, возвращались, и, вспомнив все же, где они находятся и почему, мужчины замерли каждый на своем месте, дико оглядываясь вокруг и прислушиваясь к раздававшимся за стенами часовни звукам.

Лучи утреннего солнца, проникая сквозь пустые окна, ярко освещали казавшееся ужасным еще несколько часов назад убежище и рассеивали ночные страхи и волнения.

Веселое щебетание птиц и шелест качаемых теплым ветром деревьев успокоили их. Кошмар дьявольской ночи закончился.

– Карр! – вновь прокричал кладбищенский сторож, и Смит и Эдвард вздрогнули.

Поднявшись с холодного пола, они несколько минут простояли молча, напряженно оглядываясь и не веря еще в чудесное спасение. Удостоверившись в том, что жизни их ничего уже не угрожает, они радостно посмотрели друг на друга. Да, они были живы!

Облегченно выдохнув, Эдвард закрыл лицо руками и нервно засмеялся. Мистер Смит стоял неподвижно, опустив плечи, и по каменному лицу его текли слезы. Увидев беззвучный плач старика, Эдвард подошел к нему и обнял. Смит затрясся в рыданиях, а юноша, пытаясь его успокоить, принялся гладить старика по косматой голове, ласково шепча:

– Ну что вы, что вы, мистер Смит. Все уже позади. Мы живы.

Он вдруг остро почувствовал, как тяжело пришлось несчастному старику, и ему стало невыносимо жалко беднягу. Эдвард вспомнил, как некоторое время назад все вокруг судачили о том, что Смит потерял рассудок, обезумев от горя после исчезновения дочери. Эдвард и сам поверил этим сплетням, но теперь все изменилось. Теперь он безоговорочно верил старику Смигу и готов был поддерживать и помогать ему во всем.

– Я буду с вами, мистер Смит, можете на меня положиться, – продолжил он, похлопывая его по плечу. – Я буду с вами до самого конца, каким бы он не оказался.

Мистер Смит, вытирая слезы и стыдясь такого не мужского, как ему виделось, поведения, отстранился от успокаивающего его Эдварда и, гордо расправив плечи, уверенно посмотрел ему в глаза.

– Я обещаю вам, мистер Эдвард, что больше вы не увидите ни одной моей слезы. Я заплачу лишь тогда, когда увижу свою дочь живой и здоровой, стоящей у алтаря рядом с вами. Я благодарю вас за то, что поверили мне, и за вашу любовь к моей девочке. Вы достойный и прекрасный человек, мистер Эдвард, и я буду горд отдать свою дочь за такого джентльмена, как вы.

Слова эти, произнесенные искренне и с таким достоинством, тронули Эдварда, и он, переполненный радостью и уважением, протянул руку, которую мистер Смит пожал уверенно и дружелюбно.

– Благодарю вас, мистер Смит, – улыбаясь, произнес Эдвард. – Как я понимаю, у нас с вами не так много времени, так что давайте не будем его терять. Думаю, вам есть что рассказать мне. Я хочу узнать все, что вам известно, и мы попробуем придумать, как нам спасти Элизу. И да, вот еще что, – Эдвард сделал паузу, – зовите меня по имени, мистер Смит, мне это будет приятно.

– О, мистер!.. Ах, простите, Эдвард. Это большая честь для меня. Я рад и горд вашим расположением. Спасибо! – старик заулыбался по-детски радостно. – Пойдемте же ко мне домой, я расскажу вам обо всем. Мы одолеем эту нечисть, будь она не ладна!

В зябкой рассветной тишине мужчины, оглядываясь по сторонам и все еще боясь увидеть хоть что-то, что могло бы вернуть их к пережитым страхам ночи, поспешили прочь с кладбища. К счастью, никто не встретился им по пути, и они спокойно добрались до дома Смита, никем

не замеченные. Дома же, умывшись и приведя себя в порядок, они сели за скромной трапезой и, выпив вина и отогревшись у камина, вернулись к разговору.

—

Глядя на юного собеседника, Смит испытывал смешанные чувства. За ночь, пережитую ими вместе, молодой человек стал для старика гораздо ближе и понятнее. Он уже не воспринимал его как манерного, холодного джентльмена, выдрессированного правилами приличия и воспитания.

Щеголь, привыкший к роскошной жизни, никогда не знавший нужду и болезни – именно таким Смит узнал его во время их первой встречи. Теперь же Эдвард раскрылся для него совсем с другой стороны. Смит увидел в нем то, что видела, как сейчас он понимал, Элиза – его доброе сердце, искренность и преданность любимым людям.

Все эти черты были и у его дочери. Именно поэтому Смит чувствовал вину перед этим мальчиком, ведь, доверившись ему и пообещав помогать во всем, Эдвард подвергал себя смертельной опасности. А если он погибнет? Сможет ли Смит оправдать себя за эту принесенную чутким сердцем жертву?

Они сидели за столом друг напротив друга: старик, проживший долгую жизнь, и юноша, только начинающий свой путь. Каким-то непостижимым образом эти разные и далекие друг от друга мужчины теперь были связаны одной целью. Каждый из них полон решимости и готов на любое преступление и безрассудство, жертвуя всем во имя их общей, но единственной для каждого любви.

– Эдвард, мальчик мой, перед тем как я расскажу тебе свою историю, я хочу поблагодарить тебя, – волнуясь, начал мистер Смит. – Я понимаю, почему Элиза выбрала именно тебя, и я совершенно одобряю ее выбор. Но так же я хочу сказать, что в любой момент, когда ты решишь, что не сможешь больше помогать мне, ты можешь уйти, и я ни в чем не обвиню тебя.

– Но, мистер Смит!

– Прошу, не перебивай, мне нужно сказать тебе это.

Смит смотрел на Эдварда, как любящий отец смотрит на сына, и Эдвард, подчиняясь этому взгляду, замолчал в знак уважения.

– Я подвергаю тебя смертельному риску, и только теперь я так ясно начал осознавать это. Я не хочу, чтобы ты погиб. Подумай еще, мой дорогой, может...

Смит замолчал. Эдвард гордо выпрямил спину и в упор посмотрел на старика.

– Мистер Смит, ваши слова очень тронули меня, но в то же время и оскорбили! – Эдвард стал холоден.

– О, мистер Эдвард! – извинительно залепетал Смит, но Эдвард взглядом остановил его.

– Я выслушал вас, и теперь, смею надеяться, вы сделаете то же самое.

Смело глядя в глаза смущенного старика, он продолжил:

– Если вы забыли, мистер Смит, я дал вам слово, что буду с вами до конца, – мужчина говорил четко и уверенно. – Для меня, как для человека чести, сама мысль о том, что я не сдержу данного обещания, звучит как оскорбление, которого я, как мне кажется, не заслужил.

Я еще раз заявляю, что не намерен сдаваться и буду вам верным помощником, как бы тяжело нам не пришлось. Я готов, – Эдвард смотрел на своего собеседника не мигая, – пожертвовать своей жизнью ради спасения Элизы! Надеюсь, никогда больше не услышу от вас подобных предложений и призываю вас не терять даром времени, перейдя непосредственно к делу.

Смит, опешивший от этой строгой отповеди, чувствуя себя мальчишкой, получающим нагоняй от отца, глядел на Эдварда с всевозрастающим удивлением и переполняющей его необъяснимой гордостью.

«Как же я мог так обидеть его? – думал Смит. – Я просто идиот!»

Не зная, как оправдаться, Смит решил последовать примеру Эдварда и, выпрямив свою спину в точности как Эдвард, расправив демонстративно плечи и сложив на столе руки – копируя, опять же, жест собеседника – он гордо посмотрел на него, готовясь произнести извинительную речь.

Серьезное и сосредоточенное лицо старика, неестественно насупленные брови, застывшее в гордом напряжении тело – все это не оставило Эдварду шанса, и он, как не старался сдержать подступающий смех, не смог этого сделать.

Смит, не сообразив сначала, что же, собственно, вызвало в его собеседнике эту реакцию, изобразил на своем лице такую гамму эмоций, что Эдвард хохоча повалился на стол.

Сообразив, наконец, что выглядит как последний дурак, пытаясь изображать из себя благородного, Смит, выдохнув и расслабившись, засмеялся вместе с Эдвардом весело и беззлобно.

—

Они были знакомы не так давно. Около года назад Элиза представила их друг другу, и, честно говоря, ничего, кроме подозрения и скрытого презрения к этому представителю богатого семейства мистер Смит тогда не испытал.

Он, как заботливый отец, растивший в одиночку свою единственную и горячо любимую дочь, конечно же, не мог не переживать, гадая, что может связывать такого высокородного джентльмена и его Элизу – девушку из простой и совсем незнатной семьи.

Вряд ли стоило ожидать от этого юнца серьезных намерений, поэтому, как мог, Смит пытался объяснить дочери, что она должна быть крайне осторожной и не доверять безоглядно человеку, о котором мало что знает.

Но было совершенно очевидно, что Элиза влюблена в Эдварда, и все предостережения отца забывались ею, как только она видела своего избранника. Это была ее первая, а потому такая чистая и невинная любовь, что все подозрения отца в нечестности и корысти Эдварда казались ее просто абсурдными.

К чести для Эдварда, как бы не пытался Смит выявить в молодом человеке хоть какие-то признаки недостойного его дочери поведения, сделать это ему не удавалось – Эдвард был безупречен: учтив, благороден, вежлив и дружелюбен. Отношение же его к Элизе было столь трепетным и уважительным, что упрекнуть его хоть в каком-то неблагоприятном проявлении не представлялось никакой возможности.

Именно это и пугало Смита больше всего. Вся эта чопорность и отточенные великосветским воспитанием манеры виделись Смицу непроницаемой стеной, за которой невозможно было угадать истинного характера человека. Для Смита Эдвард был неестественно идеален, а потому представлял угрозу.

«Если бы только Клара была жива! – часто думал тогда мистер Смит. – Уж она бы сразу поняла, что за человек этот Эдвард».

Кто-кто, а Клара хорошо знала все законы и правила высшего света, по которым живут эти странные люди. Ей достаточно было лишь взглянуть на человека, чтобы увидеть всю его суть, за какой бы благородной маской она не пряталась.

«Клара, моя любимая Клара, как же мне не хватает тебя!»

Мать Элизы была англичанкой из благородной семьи, но случайное знакомство со Смитом разом поменяло жизнь юной аристократки.

Их любовь была невозможна, но она случилась. Понимая, что семья никогда не даст разрешения на брак с простолюдином, Клара обвенчалась со Смитом втайне ото всех.

Узнав об этом, семья Клары отреклась от нее, и молодая женщина лишилась неплохого наследства и имени.

Смит же – чистокровный ирландец, родился и вырос среди простых людей, что добывали хлеб нелегким трудом. В юности он был настоящим красавцем с буйным и неукротимым темпераментом. Высокий и крепкий, с яркой белозубой улыбкой – Смит пользовался большим успехом у местных жительниц своей деревушки на севере Ирландии и был их грозой и мечтой одновременно.

Юные и не очень девы влюблялись в веселого, взбалмошного парня мгновенно и готовы были на многое, дабы добиться от него взаимности, но Смит просто наслаждался молодостью и свободой, не спеша связывать себя семейными узами.

Да, сейчас это могло показаться неправдой, но так оно и было на самом деле.

Ко всему прочему, у Смита был совершенно потрясающий талант, который лишь добавлял ему популярности. Рассказы о его даре ходили по всей округе и далеко за ее пределами.

С того самого дня, когда маленький Смит впервые взял в руки отцовский револьвер и по сей день, он ни разу не промахнулся мимо цели.

Это было невероятно! Во что бы, когда и где бы он не стрелял, результат был один – точное попадание. Сколько же споров он выиграл у незнакомых с его способностью людей! Сколько денег заработал, демонстрируя свой не поддающийся никаким объяснениям дар!

Он мог быть в стельку пьян или находиться в полной темноте, он мог стоять спиной к мишени или даже стрелять через ширму, но ничто и никогда не мешало ему поражать цель.

Никто, даже сам Смит, не понимал, как раз за разом у него получается выполнять этот трюк. Он просто представлял себе предмет, в который должен был попасть, негромко называл его, спускал курок, и пуля, как заговоренная, летела прямо в цель.

Со временем люди стали поговаривать, что этот необъяснимый с человеческой точки зрения навык – дар дьявола, за который Смит придется расплачиваться рано или поздно. Они начали сторониться его и через какое-то время от него отвернулись все его друзья и товарищи, с которыми он так весело проводил время на выигранные им в спорах деньги.

– Не вздумай спутаться с этим приспешником сатаны – молодым Смитом! – говорили отцы дочерям. – Даже смотреть не смей в его сторону, а то не избежать тебе кары небесной за связь с любимцем дьявола.

И вскоре беззаботный гуляка остался совсем один. К тому времени родители молодого повесы уже покинули этот мир, у братьев и сестер давно уже были свои семьи, и Смит, решив круто изменить жизнь, уехал в Англию в поисках лучшей доли.

Остановившись в большом городе, в течение долгого времени он пытался найти хоть какую-то работу. Но все его знания о том, как нужно вести хозяйство, разводить и пасти скот, никому не были нужны в красивом, богатом городе с его чистыми, ухоженными улицами, белоснежными особняками и уютными парками, куда Смит иногда захаживал поглазеть на местных красавиц, что прогуливались вдоль благоухающих кустов роз, закрывая свои сияющие белизной ангельские лица кружевными зонтиками.

«Да! – думал тогда Смит. – Эти юные леди совсем не похожи на наших девушек. Вот взять, к примеру, веселушку Агну. Когда она смеется – слышно на две мили вокруг. А Нэнси? Она так и пышет здоровьем и любовным пылом. А местные барышни больше похожи на привидения: бледные и худые, говорят еле слышно и ходят, как будто не ступают по земле, а парят над ней. Тронь их, а они возьмут да и рассыпятся!»

Но, несмотря на эти опасения, Смит все же приходил в чудесный парк и с любопытством наблюдал за неземными красавицами, мечтая приблизиться хоть к одной из них.

К его большому сожалению, девушек всегда сопровождали слуги, зорко следящие за соблюдением всех правил приличия по отношению к их подопечным, и Смит оставалось лишь любоваться этими нимфами издалека.

Именно в таком парке, не надеясь уже ни на какое общение с местными красавицами, Смит и встретил свою суженую.

В тот день он просто прогуливался по одной из дальних тропинок цветущего парка, задумавшись о своей невезучей судьбе и размышляя над предложением случайного друга из трактира переехать на юг Англии, где было много больших фермерских угодий и куда постоянно требовались работники.

Он шел, низко опустив голову и рассматривая красивые камешки, которыми была вымощена дорожка. Погрузившись в мысли, он неожиданно столкнулся со стоящей на его пути девушкой. Она, очевидно, тоже задумавшись, стояла к Смику спиной, глядя куда-то вверх на плывущие по небу облака. Оба вскрикнули, девушка повернулась к Смику, и взгляды их впервые встретились.

– О, простите меня! – одновременно произнесли они смущенно и улыбнулись друг другу.

Именно та случайная встреча изменила судьбы молодых людей. Они мгновенно поняли, что родились на свет, чтобы встретиться и полюбить друг друга, и никто и ничто не разлучило бы их.

Только этой нежной и хрупкой девушке, что появилась в жизни молодого Смита по воле providения, удалось укротить его вулкан страстей и эмоций. Только она – скромная и набожная, с тихим, звенящим как колокольчик голосом, прекрасными синими глазами и золотистыми локонами, она – ангелоподобное создание с тонкой, почти прозрачной мраморной кожей – смогла заполнить собой сердце и разум молодого повесы.

И только он – своим напором и искренностью, энергией и открытостью – смог покорить неприступное сердце молодой аристократки и всю их недолгую, но очень счастливую жизнь, обожал и носил на руках свое сокровище, стараясь изо всех сил заработать на безбедное и достойное ее существование.

Конечно, Смит понимал, что его любимая пошла на большую жертву ради него, и поклялся сделать все, чтобы Клара была счастлива. Небольшого капитала Смита хватило на то, чтобы уехать и поселиться в небольшом городке на юге Англии, где они купили уютный домик с яблоневым садом.

Они так любили и так заботились друг о друге. А когда Клара сообщила мужу, что у них будет ребенок, радости его не было предела.

– Боже, как я счастлив, Клара! – радостно скакал по дому Смит, обнимая и целуя жену. – Как же хорошо заживем мы теперь, дорогая. У нас будет много-много детей! Думаю, что первым родится мальчик!

Они жили в ожидании своего малыша, наслаждаясь каждой минутой. Но, как это часто бывает, счастье их не продлилось долго. Клара умерла во время родов, оставив любимого мужа с ребенком на руках.

– Поклянись мне, дорогой, что всегда будешь рядом с нашей девочкой. Поклянись, что убережешь и защитишь ее в трудную минуту! – теряя последние силы, прошептала, уходя, Клара.

Рыдающий Смит, не выпуская руку умирающей жены, целовал ее, повторяя:

– Я клянусь! Я клянусь тебе своей жизнью, Клара. Я буду беречь и защищать ее! Буду беречь и защищать!

– Назови ее Элизой! – улыбаясь сквозь слезы, попросила Клара и навсегда закрыла глаза.

Преданный и любящий, он растил свою единственную радость, оставшуюся от большой и чистой любви, один. Смит даже не думал найти новую возлюбленную – так сильно было его чувство к усопшей жене. Он не мог себе представить, что кто-то, кроме его Клары, когда-нибудь переступит порог их дома и станет тут полноправной хозяйкой и матерью его девочки. Нет, это было невозможно.

Горе подкосило некогда веселого и бесшабашного весельчака. Ему пришлось нелегко, но он с достоинством и без тени жалости к себе нес свою ношу. А тоску по ушедшей возлюб-

ленной он – втайне от дочери – заглушал выпивкой в любимом трактире или дома, осушая бутылку – другую из тайника.

Смит растил свою девочку, окружая заботой и нежностью. Стараясь обеспечить Элизе достойную жизнь, он не гнушался никакой работой. Он отказывал себе во всем, лишь бы у его красавицы было все необходимое.

А Элиза, растущая под бесконечными лучами отцовской любви, платила ему ответной, не менее сильной любовью. Нежная и светлая, так похожая на покойную мать, она как могла старалась помогать отцу. Образование, которое она получила благодаря усилиям отца, экономившем и отказывающим себе во всем, позволило ей устроиться гувернанткой в хорошую и уважаемую в их городе семью.

Дети любили ее, да и она получала огромное удовольствие, воспитывая маленьких непосед. Своим кротким и покладистым нравом Элиза завоевала сердца не только маленьких подопечных, но и их родителей, которые относились к ней более чем хорошо.

Жалованье ее было достойным, и она радовалась тому, что может, наконец, помогать отцу, который всю жизнь старался обеспечивать ее всем, что должно было быть по его разумению у такой прекрасной девушки, как она.

Они любили друг друга бесконечно, чем вызывали уважение у всех, кто знал их.

Так и жили эти двое, радуясь тихому счастью, но у судьбы на каждого свои планы. Не бывает жизни без движения, не терпит бытие застоя и постоянства. Вот и в устоявшуюся жизнь отца и дочери пришли неожиданные перемены.

А началось все с того, что барон Эрнтон, у которого Элиза служила, решил переехать в родовое имение на севере Англии. Элизе было предложено остаться в семье и продолжить работу, но для этого ей пришлось бы покинуть отца и последовать за хозяином и его семьей, а это было невозможно.

Даже мысль о том, что они могут разлучиться, была невыносимо болезненной для них обоих, не говоря уже о решении переехать на другой край страны.

Старик Смит, готовый на все ради дочери, не мог бы сделать для нее лишь одного – покинуть свой дом, который был символом его любви, и могилу любимой, к которой приходил он чуть ли не ежедневно все эти годы. Для него отъезд из родного, пропитанного воспоминаниями места, так же как и переезд Элизы, был равносильен смерти.

Что уж говорить об Элизе! Она тоже не хотела этой разлуки, и как бы ей не было жалко прощаться со своими воспитанниками, оставить отца одного она не могла ни за какие деньги.

Сообщив о решении остаться в родном городе, отказавшись от солидного денежного вознаграждения и перспективы устроиться в большом городе, Элиза сделала отца одновременно самым счастливым и самым несчастным человеком на свете.

– Девочка моя, как же я благодарен тебе, – плакал старик Смит, целуя руки своей красавицы. – Я не смог бы прожить без тебя и дня.

Но в то же самое время он чувствовал себя до крайней степени виноватым в том, что таким выбором лишил дочь возможности устроить свою судьбу.

– Ну что ты, что ты, папа, – говорила ему Элиза, глядя его седую голову, склоненную перед ней. – Все обязательно устроится, поверь мне. Я обязательно буду счастлива, не сомневайся. Разлука с тобой стала бы для меня настоящей пыткой, так что я не жалею о своем выборе.

Мистер Смит, чувствуя все же тяжесть ответственности за принятое дочерью решение, поклялся во что бы то ни стало найти для нее хорошую работу и каждый день, встречаясь в городе со всевозможными знакомыми, интересовался, не появилось ли у кого-то из местных знатных семей достойное место с приличным жалованием.

—

– Прости глупого старика, мой мальчик! – добродушно произнес мистер Смит, глядя на улыбающегося Эдварда. – Больше я не усомнюсь в тебе ни на секунду. Знаешь, сто раз уже проклял я тот день, когда судьба свела меня с тем человеком. Именно тогда и начались все наши несчастья. – Смит загрустил. – Я помню все, как будто это произошло вчера.

—

Это был обычный весенний вечер. Смит сидел в любимом трактире за кружкой эля. Слегка захмелевший, он на какое-то время позволил себе расслабиться и забыть о неудачных попытках найти для дочери хорошую работу. Он просто сидел, бессмысленно глядя в окно, периодически откликаясь на приветствия заходивших знакомых. Разговаривать ни с кем не хотелось, и Смит, погружившись в поток бесполезных, но умиротворяющих его мыслей, равнодушно плыл в нем.

Незнакомый голос со странным, не характерным для этих мест акцентом, нарушил спокойное течение мыслей старика Смита, и он, поддавшись приступу любопытства, начал искать глазами того, кому он принадлежал.

Зал трактира к тому моменту уже заполнился любителями дешевого эля, и лишь за столом Смита оставалось свободное местечко. Не обнаружив никого, чье лицо не было бы ему знакомо, Смит вновь погружился в мысли, но тут над своей головой он услышал тот самый голос, что привлек его внимание. Смит поднял глаза и увидел стоящего перед ним незнакомца.

– Простите, сэр, могу я присесть? – учтиво спросил он.

– О, конечно, – не желая показаться невежливым, ответил Смит.

Незнакомец сел и снял шляпу. Положив ее на стол справа от себя, он аккуратно пригладил густые седые волосы.

Лет пятидесяти, невысокого роста, с большой круглой головой на плотном теле и крючковатым, как у совы, носом. Глаза то ли серого, то ли голубого цвета прикрыты были полуопущенными веками, отчего казалось, что человек этот находится в какой-то полудреме.

Лишь когда он начинал говорить, веки его поднимались, и взгляд цепких, пронзительных глаз устремлялся на собеседника. Ни усов, ни бороды незнакомец не носил, был гладко выбрит и пах хорошим одеколоном.

Голос его, похожий на мяуканье кота, протяжный и немного гнусавый, казалось, создан был для убаюкивания собеседника. Одет он был хорошо, недорого, но достойно. Добротный костюм сидел на нем как влитой, выглаженная свежая сорочка поражала белизной.

Казалось, человек этот по ошибке оказался в злачном месте, где коротали вечера простые жители городка, за кружкой дешевого эля и разговорами о тяжелой жизни.

– Разрешите представиться, – начал разговор незнакомец. – Джордж Уилсон.

Мужчина привстал, слегка поклонившись.

– Смит. Томас Смит, – подпрыгнув и неуклюже поклонившись в ответ, сказал мистер Смит.

– Очень рад нашему знакомству, – улыбаясь, продолжил Уилсон. – А не выпить ли нам в честь нашего знакомства, мистер Смит?

Повелительным жестом он подозвал хозяина трактира и попросил принести себе и своему новому другу по кружке лучшего эля, чем сразу же расположил к себе старика Смита, который, не понимая еще, что ожидать от неизвестного ему господина, немного напрягся, досадуя на нежелательное вторжение на его территорию.

Но новый знакомый быстро расположил Смита к себе непринужденной беседой и смешными шутками.

Спустя несколько кружек хорошего эля, расслабленный парами алкоголя и гипнотическим голосом собеседника, Смит, отбросив всякое стеснение, решил узнать, кто его новый знакомый и что он делает в их городе.

– О, дорогой мой мистер Смит, – доверительно начал Уилсон, – я, как вы уже, наверное, поняли, человек неместный. В город ваш я приехал вместе со своей хозяйкой. Она недавно купила заброшенное имение у реки и решила перебраться в него на какое-то время.

Лицо Смита вытянулось от удивления. Дело в том, что старинное имение, о котором говорил новый знакомец, было известно каждому местному жителю. Молва давно окрестила его жилищем дьявола, в котором его потомки на протяжении многих столетий творили свои темные дела.

Ходили слухи, что последнего хозяина замка, что стоит в самом центре этого имения, местные жители лет сто назад намеревались убить и развеять прах по ветру, дабы избавить местный люд от несчастий и страданий, ответственность за которые они возлагали на этого отпрыска темных сил.

Но осуществить свое грозное отмщение жителям не удалось, потому как в один из дней обнаружено было, что все проживавшие на тот момент в замке люди – от хозяина до последнего конюха – таинственным образом исчезли. Никого не нашли они в страшном месте, и это странное исчезновение лишь укрепило людей в их правоте относительно темного происхождения живших тут.

Вся территория имения ограждена была по периметру высоким каменным забором, преодолеть который не удалось бы никому, кто решил бы проникнуть туда, да и, сказать по правде, вряд ли нашлись желающие сделать это – никому не хотелось быть проклятым или убитым нечистыми силами, а именно это ожидало каждого, посягнувшего нарушить границы имения. Так, по крайней мере, говорили.

Никто из местных жителей не знал, что находится по ту сторону жуткой серой стены. Единственной постройкой, которую без труда мог видеть каждый проходящий мимо имения, был тот самый старинный замок, острые башни которого возвышались над проклятым местом.

Черные, потухшие много лет назад глазницы его окон, казалось, дремлют тихим сном, но все, кому доводилось проходить недалеко от имения ночью, как один заявляли, что видели то в одном, то в другом из них мерцающий свет, как если бы кто-то бродил там со свечой в руках.

Рассказы эти, пересказанные сотни раз, с добавлением все более жутких деталей и подробностей, мистер Смит слышал не единожды, а потому, несомненно, верил в то, что место это проклятое. Хотя в те времена, когда они с женой только-только переехали, особняк давно уже пустовал, он, помня о страшных рассказах местных жителей, старался обходить это место стороной.

– Так вот, мистер Смит. Графиня Крауц, у которой я имею честь служить много лет, очень богатая и влиятельная дама. Она имеет большой вес в обществе и знается со всеми знатными и благородными семействами Англии. Я же являюсь ее главным распорядителем и помощником.

– Ух ты! – присвистнул старик Смит.

– Да, мистер Смит, – хвастливо ответил Уилсон. – У моей хозяйки бесчисленное множество имений и предприятий. Они разбросаны по всей стране и за ее пределами и приносят ей хороший доход! – тут он заговорщицки перешел на полупшепот:

– Да что там говорить, дорогой мой мистер Смит. Даже без этих доходов состояние графини безмерно.

Смит смотрел на нового знакомого с нескрываемым восхищением и простодушной завистью к немислимым богатствам знатной графини.

– Моя хозяйка, к несчастью, бездетна и вдовствует уже много лет, – продолжил свой рассказ Уилсон. – Но, несмотря на почтенный уже возраст, она очень любит путешествовать. Не желая подолгу жить в одном и том же месте, графиня частенько переезжает из одного своего имения в другое. И вот теперь она решила обосноваться на какое-то время в вашем городе, дорогой мистер Смит.

– Как это должно быть интересно, мистер Уилсон, – грустно вздохнув, сказал Смит, – путешествовать, видеть разные города, знакомиться с новыми людьми.

– Ох, мистер Смит, все это на самом деле так утомляет, – доверительно ответил Уилсон. – С каждым переездом у меня появляется столько забот и хлопот, что просто нет сил. Ведь хозяйка не берет с собой всю прислугу, и мне приходится раз за разом искать нужных ей людей на новом месте. Сомнительное это удовольствие, скажу я вам.

Уилсон закатил глаза и, качая головой, приложил ладонь к щеке, как будто у него заболел зуб.

– Вот и сейчас. Хозяйке срочно нужна новая помощница, а где ее взять?

Казалось, Уилсон был просто в отчаянии от мысли, что ему придется заниматься поиском нужной ему кандидатуры, а мистер Смит, резко протрезвев, напрягся, предчувствуя, но не осознавая пока неожиданную удачу.

– Только вы не думайте, мистер Смит, – извинительно продолжил Уилсон, – что я жалуясь. Ни в коем случае! Но у меня уйдет столько времени и сил на этот поиск, ведь графиня капризна и требовательна как черт знает что! – он скользнул взглядом по лицу застывшего Смита и, улыбнувшись быстро краешком губ, продолжил:

– Ей не нужна обычная девушка, нет, дорогой мой мистер Смит. Ей подавай такую, чтобы была умна и образована, и мила на вид, чтобы способна была не только наладить быт хозяйки на новом месте, но и помогала бы ей в ведении хозяйства и в прочих делах, связанных с ее масштабными деловыми проектами.

Слушая Уилсона, старик Смит чувствовал, как искра надежды разгорается, превращаясь в жаркий костер, а узнав о том, какое жалование готова платить графиня своей помощнице, Смит, почти крича от охватившего его восторга, вскочил с лавки, перегнувшись через стол, и попытался обнять Уилсона. Тот, ловко увернувшись от нежелательных объятий старика, в недоумении замолчал, усадив Смита на место.

– Господи, ведь это просто потрясающее, Уилсон! Вы даже не представляете себе, какая это удача! – заголосил мистер Смит, подпрыгивая на месте в нетерпении.

Возбужденный от открывавшихся перспектив, старик в самых ярких и красочных деталях начал рассказывать Уилсону о достоинствах дочери. Хмельное зелье развязало язык доброму отцу и он, понимая, что упустить такой шанс было бы преступлением, убеждал собеседника, что лучшей кандидатуры, чем Элиза, ему не найти.

– Я прошу вас, Уилсон, не говорите больше никому об этом месте, – шепотом прохрипел Смит, перегнувшись через стол к собеседнику. – Моя Элиза обязательно понравится вашей хозяйке. Я клянусь, во всем городе вы не найдете никого лучше ее.

Не видел тогда мистер Смит, как загорелись недобрый огоньком глаза Уилсона – слишком пьян и возбужден он был в тот момент. Не почувствовал, что, сам того не желая, ведет любимую дочь в логово зверя.

Да, многое бы сейчас отдал он, чтобы вернуться туда, в трактир и отказаться от того рокового предложения, что изменило так круто его жизнь и поставило под угрозу жизнь Элизы.

Но откуда же было ему знать тогда все, что известно теперь? Откуда?

Уилсон, рассыпаясь в благодарностях за избавление от мучительных поисков, пообещал радостному старику, что сегодня же расскажет хозяйке об их разговоре и попробует уговорить ее увидеться с дочерью Смита.

Они договорились встретиться на этом же месте завтра вечером, и старик, восторженный как ребенок, попрощавшись с новым другом, поспешил домой, чтобы поделиться чудесной новостью с Элизой.

Разгоряченный выпивкой и предвкушением счастливого будущего, гордый собой, он ворвался в их тихий дом и, подняв с мягкого кресла дремлющую уже за рукоделием дочь, закружил ее в танце, громко распевая и смеясь.

Девушка, не понимая, что же так обрадовало отца, кружилась с ним в танце, радуясь хорошему настроению родителя, ведь таким веселым она не видела его уже давно.

– Милая моя девочка, я принес тебе счастливую весть! – не прекращая танец и улыбаясь все больше, заговорил, наконец, мистер Смит, целуя и обнимая дочь.

– Какую? – поддаваясь веселому настроению отца, засмеялась в ответ Элиза.

– О! Это счастливая судьба! Я всегда знал, что так и будет! Ла-ла-ла! – запел старик, переполненный чувствами. – Я молился, как учила меня твоя матушка, и бог услышал мои молитвы!

– Что за весть, отец? Что случилось?

– Ах, Элиза, я представляю, как ты будешь рада и как хорошо теперь устроишься, и слезы сами текут у меня из глаз! – ответил мистер Смит, вытирая и впрямь потекшие по его лицу слезы.

– Отец, да что с тобой? – волнуясь уже, спросила Элиза, остановив их танец.

Мистер Смит, распираемый радостью, усадил дочь на кушетку возле камина и, взяв ее холодные от волнения руки, целуя их беспрестанно, рассказал во всех подробностях о встрече в трактире и разговоре с Уилсоном.

– Неужели это правда, папа? – не веря рассказу отца, спросила Элиза. – Меня возьмут служить к такой знатной даме?

– Конечно, дорогая! – уверенно отвечал мистер Смит. – Кого же, как не тебя? Я не знаю, кого бы еще миссис Краутц могла взять на это место?

– Но, отец, ведь это еще не решено? – Элиза, волнуясь о предстоящем знакомстве с новой хозяйкой, нервно сжимала руки отца. – Ведь мистер Уилсон пообещал тебе, что попробует устроить эту встречу, но он не обещал, что она состоится. А вдруг я не понравлюсь его хозяйке? Может, я недостаточно умна для такой работы? А если она не захочет встречаться со мной?

– Да ну что ты, что ты, Элиза! – в очередной раз целуя руки дочери, заговорил мистер Смит. – Поверь мне, это место будет твоим, я чувствую это! Я пойду на эту встречу вместе с тобой, и вот увидишь, все будет просто превосходно.

– Я бы тоже очень хотела, чтобы все случилось так, как ты говоришь, папа, но давай не будем загадывать и просто подождем ответа от мистера Уилсона, а там, даст бог, все и образуется, – пытаясь успокоиться, ответила девушка.

– Конечно, ну конечно, моя дорогая! – не желая тревожить еще больше и без того разволновавшуюся Элизу, ответил мистер Смит. – Ты только не переживай!

Они крепко обнялись и какое-то время просидели молча, глядя на огонь в камине и обдумывая случившееся.

—

Вечером следующего дня, как и было оговорено, мистер Смит пришел в трактир на встречу с новым знакомым. Время, как казалось старику, тянулось так медленно, а волнение его усиливалось с каждой минутой.

Нарушив данное самому себе обещание не пить, мистер Смит заказал кружку эля, а затем еще одну, и еще, и вскоре, порядком уже захмелевший, он сидел, разговаривая сам с собою,

доказывая воображаемому оппоненту, почему именно его Элиза достойна получить такое выгодное место.

И вот, когда старик использовал почти все аргументы в споре с невидимым собеседником и замолчал, делая глоток из своей кружки прямо напротив себя он увидел Уилсона, который подсаживался к нему за стол. Судя по снисходительной улыбке на его лице, можно было предположить, что он слышал кое-что из монолога старика.

– Мистер Смит, приветствую вас! – широко улыбаясь, заговорил Уилсон, усаживаясь напротив подвыпившего старика.

– Мистер Уилсон, как же я рад вас видеть! – прокричал Смит, чудом проглотив эль, потекший не в то горло при внезапном появлении Уилсона.

Вскочив и чуть было не уронив свою кружку, стараясь прокашляться, мистер Смит через стол кинулся жать руку пришедшего, но тот, мягко и настойчиво усадив старика на его место, вежливо произнес:

– Мистер Смит, у меня для вас хорошие новости.

– Боже, я знал, я знал! Я так счастлив! Уилсон, я ведь говорил ей! – заголосил Смит, вновь вскочив с места и пытаясь обнять собеседника.

Уилсон силой уже усадил разгоряченного старика на лавку и заговорил раздраженно и негромко:

– Мистер Смит, возьмите себя в руки, я пришел поговорить с вами о деле, но если вы продолжите вести себя подобным образом, думаю, нам лучше и не начинать этот разговор.

Мгновенно протрезвев от мысли, что может загубить так хорошо начавшееся дело, мистер Смит, вытянувшись струной и пытаясь собрать разбежавшиеся в голове мысли, ответил:

– Простите, мистер Уилсон, я перебрал немного. Но это от волнения, простите еще раз. Я готов вас выслушать и буду очень спокоен и внимателен, я обещаю.

Он покорно уселся на место и, сдерживая бурлящие эмоции, смотрел на своего благодетеля, стараясь сконцентрироваться на расплывавшемся от хмельных паров лице собеседника.

– А вот это другое дело, – хитро улыбаясь, продолжил Уилсон. – Моя хозяйка не сможет держать у себя людей, которые будут вести себя безответственно и не будут подчиняться ее правилам, а также соблюдать определенные требования, мистер Смит. Вы должны понимать, что миссис Краутц никогда не примет на работу людей с запятнанной хотя бы чем-то репутацией. И это касается любой мелочи. Я не смогу рекомендовать вашу дочь, если буду знать, что ее отец может позволить себе появиться в подобном виде в имении моей хозяйки. Вы должны себе это усвоить!

Произнося эту вежливую отповедь, Уилсон смотрел на напуганного старика не моргая, желая, казалось, убить своим взглядом.

– Мистер Уилсон, я клянусь вам, никогда, никогда этого больше не повториться! – и впрямь, перепугавшись до смерти, старик Смит сидел как мальчишка перед отчитывающим его учителем, и пот тек по его лицу, выдавая сильнейшее волнение и напряжение.

– Я очень рассчитываю на это, мистер Смит, – смягчая тон ответил Уилсон. – Я знаю, вы хороший человек, и уверен, что дочь ваша достойна занять место, о котором я рассказывал.

– Да, конечно, не сомневайтесь ни секунды, мистер Уилсон. Так оно и есть. Моя Элиза – это ангел! Она умна и прекрасна, верьте мне.

При слове ангел собеседник криво усмехнулся, отведя презрительный взгляд в сторону, но старик не заметил этого.

– Я верю, мистер Смит, но как бы я не уважал вас, – он приложил ладонь к груди, выражая искренность произносимого, – мне все-таки необходимо будет самому познакомиться с вашей очаровательной дочерью и обсудить некоторые вопросы, касающиеся предстоящей работы.

Уилсон добродушно уже смотрел на сидящего перед ним старика, понимая, что тот готов на все, лишь бы пристроить дочь на выгодное место.

– Если мы сумеем найти общий язык, – продолжил он, – и дочь ваша действительно окажется так хороша, как вы ее описали, она будет приглашена на встречу с моей хозяйкой. Надеюсь, вы не против? – подытожил он.

– Конечно-конечно, как я могу быть против? – засуетился мистер Смит. – Мы будем рады видеть вас у себя, или, может, мы должны будем сами приехать в имение графини?

– Вам никуда не придется ехать, мистер Смит, – довольно улыбаясь, ответил Уилсон. – Я сам приеду. Завтра в шесть вам будет удобно принять меня?

– О, конечно, мы будем очень ждать вас, мистер Уилсон, приходите.

– Тогда до завтра, дорогой мистер Смит.

Уилсон поднялся со своего места и, надев шляпу, произнес дружелюбно:

– Ровно в шесть.

Он протянул руку для прощального рукопожатия.

– До завтра, до завтра! – заискивающе улыбаясь, Смит подскочил с лавки, пожал двумя руками протянутую руку Уилсона и принялся мелко и быстро кланяться вслед уходящему.

Он посидел еще немного в трактире, обдумывая прошедшую встречу.

«На кой черт я так напился? Чуть не испортил все дело!» – вспоминая свое недостойное и нелепое, как ему казалось теперь, поведение, досадовал Смит. Сердясь и ругая себя последними словами, он покинул трактир и направился домой, чтобы рассказать Элизе о состоявшемся разговоре.

Конечно же, он не рассказал ей, что слегка перебрал и получил нагоняй от нового знакомого. Он заверил дочь, что все сложилось как нельзя лучше, и завтра же мистер Уилсон нанесет им официальный визит, чтобы познакомиться с Элизой поближе и лично убедиться в правоте Смита относительно ее компетенций.

Элиза, обрадованная новостями, весь оставшийся вечер была взволнована и, как и полагается хорошей хозяйке, четко и грамотно спланировала завтрашний день, продумывая каждую деталь предстоящей встречи.

—

Утром следующего дня Элиза послала отца за продуктами для ужина, а сама занялась уборкой. К шести часам дом их сиял чистотой, на накрытом столе стояла лучшая посуда, а чудесный запах приготовленного ужина заполнял уютную гостиную.

В ожидании гостя отец и дочь сидели за столом, перебрасываясь подбадривающими фразами, улыбаясь друг другу и пытаясь побороть волнение. Ровно в шесть зазвонил дверной колокольчик, и оба они подскочили со своих мест, выдавая крайнюю степень нервного напряжения.

Мистер Смит кинулся открывать, а Элиза, поправляя идеально убранные волосы и стараясь остановить дрожь, вышла из-за стола, чтобы поприветствовать входившего гостя.

Уилсон, одетый как настоящий джентльмен, источающий аромат дорогого одеколona, манерно и уверенно подошел к Элизе. Еще только появившись на пороге комнаты, он быстрым, цепким взглядом оценил стоящую перед ним девушку и, оставшись, по-видимому, довольным, приблизился к дрожащей от волнения Элизе, ожидая, когда мистер Смит представит его.

Бедный старик, забыв обо всех правилах этикета, о которых ему говорила дочь, встал рядом с ожидающим представления Уилсоном и улыбался глупо и напряженно. Видя, что волнение хозяев достигло предела, Уилсон сам взялся за дело и, улыбаясь дружелюбно, заговорил:

– Позвольте представиться, мисс Смит, – сняв шляпу и слегка поклонившись, начал он, – меня зовут мистер Уилсон. Я являюсь помощником графини Краутц, к которой, надеюсь, вы тоже поступите в услужение.

Элиза, смущенно улыбаясь, протянула свою маленькую ручку гостю, и тот, наклонившись еще больше, запечатлел на ней вежливый поцелуй.

– Очень рада знакомству, мистер Уилсон, – заговорила, придя в себя, Элиза. – Мы ждали вас.

– Ваш батюшка приуменьшал вашу красоту, когда рассказывал мне о вас, – медленно и загадочно протянул Уилсон, пронзая Элизу совсем нескромным взглядом, от чего та мгновенно вспыхнула. – Уверен, что и другие ваши достоинства столь же значительны и неоспоримы, как и ваша красота! – хитро улыбаясь, продолжил гость, чем совершенно смутил бедную Элизу.

Мистер Смит, одетый в единственный имеющийся у него выходной костюм, который дико стеснял и сковывал все его тело, стоял, боясь сделать что-либо не так. Он молча переминался с ноги на ногу, не зная, как ему следует себя вести, и чувствовал себя ряженым болваном на ярмарке.

Удушающий ворот узкой рубашки, казалось, перекрыл ему кислород, и мозг старика, ощущая эту нехватку, отказывался соображать. Элиза посмотрела на него говорящим взглядом, и Смит засуетился, произнося заученные фразы:

– Для нас большая честь принимать вас у себя, мистер Уилсон. Прошу к столу. Поужинайте с нами.

Он неловко указал рукой на накрытый стол и растерянно взглянул на Элизу, ожидая одобрения. Элиза улыбнулась ему в ответ и направилась к столу вместе с гостем.

– Мистер и мисс Смит, – улыбаясь произнес Уилсон после того, как все удобно расположились за накрытым столом и подняли первый бокал вина, – я вижу, что вы очень достойные люди, и мне не хотелось бы, чтобы наше общение было слишком уж официальным. Я пришел к вам как друг и буду очень рад, если и вы будете относиться ко мне подобным образом. Мне очень нравится ваш дом и вы сами. Думаю, мы сможем поговорить доверительно и дружелюбно.

– О, мистер Уилсон, ну конечно! – облегченно выдохнув, ответил Смит, – Ведь вы хороший человек, я сразу это понял. Давайте же выпьем за наше знакомство!

Подняв бокал, старик Смит бросил радостный взгляд на Элизу, как будто говоря ей: «Вот видишь, милая, я же говорил тебе! Он отличный парень!»

– Мы очень рады, что вы посетили нас, мистер Уилсон, – ласково улыбаясь и чувствуя себя немного увереннее, произнесла Элиза.

– Я решительно убежден, что мы с вами станем добрыми друзьями! – весело подытожил Уилсон, и ужин продолжился.

—

– Как же я не разглядел тогда этого человека, Эдвард? Как не распознал в нем служителя дьявола? – в сотый раз обвиняя себя, произнес старик Смит, хватаясь за голову. – Ах, как он был вежлив и учтив с моей Элизой! Он вел себя как истинный джентльмен. Говорил, что давно не встречал такой юной, но столь образованной и умной девушки, к тому же еще и ослепительно красивой! Как будто сам дьявол застлал нам глаза и усыпил разум этими сладкими речами! Господи, как же ты допустил это?

—

Ужин прошел в дружеской атмосфере. Мистер Уилсон сумел расположить к себе и отца, и дочь. Он, не переходя рамок приличия, узнал все об их жизни со дня рождения Элизы и до сего момента. В конце трапезы, довольно улыбаясь, Уилсон встал, поднял бокал и произнес:

– Уважаемый мистер Смит, милая Элиза! – тут он игриво посмотрел на улыбающуюся ему девушку. – Уж позвольте мне, как вашему другу, называть вас милой, ведь я просто очарован вами!

Элиза смущенно отвела взгляд от поедающего ее глазами гостя.

– Я благодарю вас за этот чудесный вечер. Сердце мое теперь принадлежит вам, и я искренне хочу стать другом вашей семьи. Вы, мисс Элиза, произвели на меня чрезвычайно приятное впечатление. Ваш ум и красота, несомненно, помогут вам получить желаемую должность в доме моей хозяйки. Я, конечно же, не могу принимать это решение за нее, но обещаю сделать все возможное, чтобы убедить графиню остановить выбор на вас, моя милая.

– Я благодарю вас, мистер Уилсон! – искренне ответила тронутая его словами Элиза. – Вы так добры. Уверяю вас, что даже если это место мне не достанется, мы будем рады продолжить общение с таким интересным и достойным человеком, как вы.

Уилсон благодарно поклонился.

– Уилсон, дорогой мой! – счастливый и гордый Смит смотрел на гостя с нескрываемым обожанием. – Я так рад, что судьба свела меня с вами!

– А уж как я рад! – усмехнувшись, произнес в ответ Уилсон и осушил свой бокал.

Радостные и воодушевленные итогом встречи, мистер Смит и Элиза тепло простились с Уилсоном, который пообещал в самые кратчайшие сроки поставить их в известность о решении хозяйки относительно Элизы.

—

– И вот, Эдвард, по прошествии нескольких дней – помню, это был дождливый и туманный вечер – в наш дом постучали. Я открыл дверь и замер. На пороге стоял странный до жути мужчина: лет восьмидесяти, не меньше, высокий до невозможности и худой, как последний нищий. Тело его казалось каким-то закаменевшим и негнушимся, бледная кожа светилась в темноте. На вытянутом сухом лице, изрытом морщинами, не отражалось ничего.

Я даже подумал тогда, что это не человек, а статуя. Единственным доказательством того, что передо мной стоит живой человек, был его беспокойный черный глаз, который смотрел то на меня, то куда-то в сторону. Второй его глаз был скрыт черной повязкой.

Одет мужчина был в старый фрак, на голове блестел цилиндр. В правой руке он держал открытый зонт, по которому барабанили капли дождя, в левой – запечатанный конверт.

Мистер Смит замолчал ненадолго, горестно качая головой.

– Ах, если бы мне вернуться в тот вечер, Эдвард! – жалостно проскулил он. Уж я бы вытолкал этого посланника дьявола вон!

– Мистер Смит? – скрипучим, механическим голосом поинтересовался одноглазый.

– Да, сэр, что вам угодно? – удивленный поздним визитом, ответил Смит.

– Мне приказано передать это письмо и доставить вас в Хеленвилль.

Смит, удивленный услышанным, распечатал врученный ему конверт и, не видя ничего в темноте, предложил одноглазому войти в дом, для того чтобы они с дочерью могли ознакомиться с содержанием письма и написать, если это нужно, ответ.

Незнакомец вежливо отказался, заявив, что будет ждать мистера и мисс Смит здесь. Он указал рукой куда-то себе за спину, и, всмотревшись в темноту, Смит увидел стоящую недалеко карету.

Озадаченный еще больше, он поспешил в дом и, сообщив дочери о странном посетителе, вручил ей письмо. Надо признаться, читать старик не умел. Как ни старалась Элиза обучить

отца письму и чтению, тот отказывался тратить время на лишнее, как ему казалось, и не обязательное вовсе умение.

Элиза подошла к освещавшему комнату камину и принялась читать письмо. Чем дальше она читала, тем больше удивление и растерянность отражались на ее лице.

– Что там, Элиза? От кого это письмо? – съедаемый любопытством мистер Смит стоял возле дочери, заглядывая ей в лицо и пытаясь понять, что за новости принес им странный посетитель.

– Это письмо от миссис Краутц, папа, – тихо произнесла Элиза, растерянно глядя на отца.

– Графини Краутц? О Боже! Что же, что она пишет? – разволновавшись, мистер Смит заходил вокруг застывшей в нерешительности дочери, ожидая объяснений.

– Она пишет, что хочет познакомиться и ждет меня в своем имении.

– О, это же прекрасно, доченька! – радуясь хорошей новости, засмеялся мистер Смит. – Значит, Уилсон все-таки сумел уговорить ее! Какой прекрасный человек! Обещал и выполнил свое обещание. А когда, когда она примет нас, Элиза?

– В том-то и дело, папа, она ждет меня прямо сейчас! – Элиза испуганно посмотрела на отца.

– Как? Прямо сейчас? Ведь на улице уже почти ночь? Ты ничего не перепутала, прочти еще раз, дочка! – удивленный не меньше Элизы, мистер Смит пытался найти объяснение необычному предложению.

– Нет, папа, я ничего не перепутала. Здесь ясно написано, что она ждет меня к себе ровно через час и просит, чтобы я взяла с собой все мои рекомендательные письма.

В теплом и уютном доме Смитов, как показалось вдруг Элизе, стало темно, и холодный воздух от не закрытой в спешке отцом двери потянулся по комнате. Огонь в камине затрепетал и притих. Элизу охватил озноб, сердце защемило, и она чуть было не лишилась чувств. Стоявший рядом Смит вовремя подхватил ее и, перепугавшись до смерти, отнес на кушетку, где принялся обмахивать листком письма, пытаясь привести в чувства.

– Боже, Элиза, что с тобой? Девочка моя, тебе плохо? – испуганный, он смотрел на бледную дочь, не зная, что предпринять.

– Ничего страшного, папа! У меня немного закружилась голова, – приходя в себя и пытаясь улыбнуться, проговорила Элиза.

Она присела на кушетку, обвела растерянным взглядом комнату, засуетилась и произнесла, чуть не плача:

– Ах, папа! Что же мне делать? Я так переволновалась, что, наверное, не смогу идти!

Слезы потекли по ее бледному, испуганному лицу. Волнение Элизы передалось и старику Смицу, но понимая, что именно сейчас решается судьба дочери, он попытался успокоить ее.

– Ну что ты, что ты, милая! Успокойся. Ты просто разволновалась.

Он гладил Элизу по тонкой руке, пытаясь поймать ее взгляд, бессмысленно блуждающий по комнате.

– Если ты не хочешь ехать, давай останемся. Я все объясню этому господину, и мы перенесем встречу.

Именно этого и хотелось сейчас Элизе – остаться дома и никуда не ехать. Внутренний голос кричал ей: «Не ходи туда, не нужно!»

Но, помня о том, как отец переживал ее отказ от предложения барона Эртона, о том, как он безуспешно пытался помочь ей и как, скрывая бессилие, выпивал тайком от нее, Элиза не смогла поставить необоснованные страхи выше чувств отца и попыталась взять себя в руки.

– Папа, налей мне немного воды, – попросила она, и мистер Смит, вскочив с кушетки, кинулся к графину с водой, что стоял на столе.

Сделав несколько глотков, Элиза, смущенно улыбаясь, заговорила:

– Спасибо, мне уже намного лучше.

Она поправила слегка растрепавшиеся волосы.

– Я приведу себя в порядок, переоденусь, и мы отправимся на встречу к миссис Краутиц, – стараясь улыбаться, сказала она.

– Ты уверена, Элиза? – Смит озабоченно смотрел на бледную дочь.

– О, да, не беспокойся, – пытаюсь говорить весело, продолжила девушка. – Со мной все в порядке. Передай, пожалуйста, посыльному, что через несколько минут мы будем готовы.

Мистер Смит, хоть и был обеспокоен состоянием Элизы, все же обрадовался ее решению, ведь отказ от этой встречи мог обернуться полным провалом их планов. Он проводил Элизу в ее комнату, а сам поспешил к одноглазому. Смит сообщил ему, что скоро они будут готовы, и слуга, слегка поклонившись, сухо произнес:

– Очень хорошо, сэра. Я подожду вас у кареты.

Мистер Смит вернулся в дом, на ходу стряхивая капли дождя и приглаживая растрепавшиеся волосы. Он ходил взад-вперед по комнате, ожидая появления дочери, а через некоторое время, желая проверить, все ли хорошо, ласково позвал ее.

– Я почти готова, – ответила девушка. – Надень, пожалуйста, костюм и ту новую шляпу, что мы купили тебе! – весело добавила она.

– Конечно-конечно, милая, уже надеваю, – прокричал Смит ей в ответ.

Он достал из шкафа ненавистный костюм и, чертыхаясь, попытался втиснуться в него. Кое-как надев его, старик кинулся искать шляпу. Она не нравилась ему даже больше, чем тесный костюм, но, как и тот, была единственной приличной шляпой в его гардеробе.

Вспомнив, где видел ее в последний раз и найдя ее именно там, бормоча ругательства, Смит натянул этот неудобный и совершенно ему не подходящий головной убор на свою седую голову.

Накинув старый плащ, стараясь придать себе уверенный вид, он встал у входной двери в ожидании дочери и, сложив за спиной руки, перекатывался с пяток на носки, поскрипывая сапогами. Про себя он проговаривал все известные ему вежливые фразы, которые собирался использовать во время знакомства с графиней.

– А вот и я! – улыбаясь, в комнату вошла Элиза.

Одетая в чудесное платье цвета серого жемчуга, с аккуратно уложенными волосами и блестящими в свете камина скромными, но очень милыми украшениями матери – единственным богатством, которое осталось у той после побега с молодым Смитом – Элиза вызвала вздох восхищения отца.

Гордый тем, насколько элегантно выглядит дочь, пытаюсь соответствовать ей, он галантно подошел и, накинув на нее плащ и предложив руку, повел к ожидавшей их карете.

Услужливый одноглазый, увидев приближающихся, поспешил открыть дверь кареты и, усадив пассажиров, тронулся в путь. Дождь все не прекращался. Мокрая ночь, пронизываемая северным ветром, предполагала, что ни одна живая душа в этом городе не захочет покинуть свою теплую обитель и отправиться за чем бы то ни было на холодные, утопающие в воде улицы.

Отец и дочь, держась за руки и пытаюсь скрыть всевозрастающее волнение, шептались как два заговорщика:

– Элиза, милая, расскажи мне, что и когда я должен говорить при встрече с миссис Краутиц! Кажется, я забыл все, чему ты меня учила! – в ужасе шипел мистер Смит.

– Папа, ну что же ты? – Элиза, видя, как глаза отца расширились от страха, тихо засмеялась и спокойно, в тысячный уже, наверное, раз, объяснила ему, что он должен будет сказать и сделать во время знакомства.

Но и в этот раз все советы дочери ненадолго задержались в памяти взволнованного старика.

Эти изящные манеры, глупые правила и заумные словечки, которыми обменивались люди из высшего общества при встречах, казались ему абсолютно противоестественными и неискренними, а значит, ненужными и не стоящими внимания. Но, не желая все же позорить дочь своей невежественностью, Смит уяснил и запомнил главное, что должен будет сделать – вежливо поклониться и представить себя и Элизу. Это-то он точно сможет сделать, а дальше уж пусть все идет так, как господь располагает. Он ласково сжал ладошку дочери и улыбнулся.

Элиза же, пытаясь успокоить бившееся, как у пойманной птички сердечко, ехала и молилась о благополучном исходе неожиданной поездки.

—

Вскоре карета остановилась, и одноглазый – его голос нельзя было перепутать ни с чьим другим – заговорил с кем-то, кто, по всей видимости, встречал их. Через мгновение он открыл двери кареты и, услужливо придерживая ее, жестом предложил сидящим выйти.

В этот самый момент Элиза увидела протянутую к ней руку в кожаной перчатке и услышала знакомый голос:

– Мисс Элиза, добрый вечер! Как я рад нашей встрече!

Уилсон в длинном черном плаще с большим зонтом в руке, весело улыбаясь, приветствовал выходящую из кареты Элизу, заботливо поддерживая ее. Одноглазый слуга зажег фонарь и поднял его как можно выше, помогая прибывшим сориентироваться в ночной уже темноте.

– Добрый вечер, сэръ! – волнуясь, ответила Элиза. Как ваши дела?

– О, несравненная мисс Элиза, теперь, когда я снова вижу вас, мои дела, несомненно, пойдут еще лучше. Мы очень ждали вас! – сладко пропел Уилсон.

– А как себя чувствует миссис Краутц? Она готова принять нас? – беспокойно спросила Элиза.

– Дорогая моя, не волнуйтесь! Хозяйка так ждала эту встречу и будет бесконечно вам рада! – успокоил ее Уилсон.

Мистер Смит, выбравшись вслед за дочерью из кареты, горячо и дружелюбно приветствовал мистера Уилсона:

– Уилсон, дружище! Я так рад нашей встрече!

По душевной своей простоте он кинулся было обниматься, но вовремя вспомнив наставления Элизы, лишь низко и неуклюже поклонился встречавшему. Уилсон, стараясь скрыть свое истинное отношение к раздражавшему его старику, растянулся в фальшивой улыбке и ответил:

– Рад вас видеть, мистер Смит. Как вы добрались? Все ли у вас в порядке?

– О, не извольте беспокоиться, все очень хорошо. Мы немного удивились тому, что графиня захотела назначить встречу в такой поздний час, но вы же знаете, старина, как это важно для нас, поэтому поспешили приехать, – весело ответил Смит.

– Да, это могло показаться странным, но моя хозяйка – женщина весьма необычная, – улыбаясь одними губами, ответил Уилсон.

Свернув калачиком руку, он предложил ее Элизе и, накрыв ее зонтом, следуя за освещавшим им путь одноглазым, уверенно и быстро повел девушку к огромным резным воротам, отделявшим имение графини от остального мира.

На их чугунных решетках мистер Смит увидел множество любопытных, но совершенно непонятных ему знаков и символов. В самом же центре удивительных ворот, как живые, искусно выкованы были две касающиеся друг друга листьями лилии, которые отрывались друг от друга при открытии створов.

Подойдя вплотную к решеткам ворот, одноглазый слуга начал произносить короткие резкие фразы на незнакомом Смицу языке, свободной рукой в это же время совершая какие-то странные и нелепые движения, развеселившие старика Смита.

Похоже было, что одноглазый крестит массивные двери ворот, но как-то чудно – снизу вверх. После шестого такого крещения массивные ворота начали туго открываться.

Протяжный, жуткий скрип старых петель вонзился в ночную тишину, проникая, как показалось старику, прямо в его мозг. Он вздрогнул от неприятного, буравящего голову звука, и по телу его пошли мурашки.

Через некоторое, показавшееся Смигу вечностью, время, ворота открылись настолько широко, что идущим под руку Уилсону и Элизе можно было легко пройти сквозь них, и они двинулись вперед.

Смит засеменил следом, пытаясь открыть свой зонт, который почему-то не открывался, позволяя усилившемуся в этот момент дождю заливать и без того уже мокрого с ног до головы старика еще больше.

Погода ухудшалась. Шла гроза. То и дело над головами идущих коротко сверкали молнии, освещая ненадолго их путь, затем раздавался пугающий Смита все сильнее небесный грохот.

Попав впервые на территорию имения, о котором все говорили ни больше ни меньше как о жилище дьявола, мистер Смит невольно вспомнил все слышанные им ранее истории и, жадно впиваясь в темноту подслеповатыми глазами, пытался разглядеть хоть что-то, чтобы понять, правдивы ли были эти рассказы.

Прямо за воротами имения начиналась и тянулась куда-то в бесконечность тисовая аллея. Могучие кроны деревьев, стоящих по обе стороны широкой довольно дороги, гнулись от порывов усиливавшегося ветра и похожи были на гигантских чудовищ из страшных сказок.

Испуганно озираясь вокруг и все еще пытаясь справиться с проклятым зонтом, старик Смит заметно отстал от остальных. Элиза и Уилсон шли далеко впереди, и он почти уже потерял их из вида. Дождь застилал ему глаза, а ветер, казалось, останавливал, не давая догнать уходящих от него.

Сквозь бушующую вокруг старика стихию, к удивлению своему, Смит слышал, как где-то впереди оживленно и весело разговаривают Уилсон и Элиза. Он слышал смех дочери и вежливое бормотание ее спутника. Холодея от накрывающего его страха, он пытался понять, как такое возможно?

Ураганный ветер не давал ему возможности даже окликнуть их, а дождь, ливший стеной, намочил его так, что он не мог двигаться – такой тяжелой и мокрой стала одежда. Он продирался сквозь царящее кругом безумие, теряя силы и чувствуя ужас, охватывавший его все сильнее с каждой секундой.

«Элиза, девочка моя! – стучало в его голове. – Я должен увести тебя отсюда!» – это было последнее, о чем подумал мистер Смит, падая на истекающую водой землю и теряя сознание.

—

«Элиза, где ты? Подожди!» – стрелой мысль о дочери пронзила ум старика Смита, и он открыл глаза.

«Где я? Что происходит?» – пытаясь понять, где находится, Смит обвел глазами незнакомую комнату.

Он понял, что лежит на спине и что тело его обездвижено. Старик попробовал подняться, но не смог даже пошевелиться. Ужас охватил его, и он закричал изо всех сил, но вместо звука своего голоса услышал лишь тихое мычание.

«Господи, помоги!»

Паника охватила бедного старика, и он потерял контроль над собой.

Ум его, как в лихорадке, вспыхивал странными видениями. Перед глазами хороводом проплывали лица незнакомых людей, говоривших ему что-то, чего он не мог разобрать; он

слышал, как поет где-то вдалеке женщина, сводя с ума монотонной, бездушной мелодией. На какое-то время перед ним загорался, причиняя боль, яркий свет, а потом все вновь погружалось в непроглядный мрак.

В какой-то миг Смит решил, что умер, и попал в ад. Ему чудилось, что он лежит в душном, сыром подвале, заполненном густым красным туманом. Туман этот клубился и двигался вокруг несчастного старика, окутывая и проникая в каждую клеточку его тела. Но это был не просто туман, это было живое и разумное нечто, которое контролировало и управляло всем вокруг, в том числе и им.

Шум, как после сильного похмелья, не стихая ни на секунду, стоял в ушах старика, поглощая все остальные звуки. Вокруг себя то и дело он видел жутких существ, которые подходили к нему и, наклоняясь почти к самому его лицу, улыбались дьявольской улыбкой. Морды их, покрытые длинной серой шерстью, были одинаковы и ужасны: огромные черные глаза без зрачков и сведенный в пятачок нос, беззубый рот с тонкими губами, расплывавшийся в беззвучной улыбке, – все это доводило Смита до иступления, и он отключался и терял сознание тысячу раз.

Приходя в себя на какое-то время, он раз за разом чувствовал ледяной ужас от повторяющихся видений. Его покалеченное сознание говорило ему, что это и есть преисподняя.

Бесконечность спустя, старик почти смирился с тем, что отныне душа его, пребывающая, очевидно, в аду, таким образом получает наказание за грехи, совершенные им при жизни, и начал по-своему привыкать к этим жутким видениям. Но однажды, сквозь тугую пелену застилавшую ум, он отчетливо услышал голос:

– Мистер Смит! – позвал он его. – Очнитесь, мистер Смит.

«Этот голос? Я его знаю!» – Смит, цепляясь за звучавший где-то совсем рядом звук, всплывал с темных глубин, поднимаясь куда-то вверх за все более четко и ясно слышимым голосом.

Шум, окружавший его столько времени, стихал, а сознание, проясняющееся с каждой секундой, возвращалось вместе с обрывками воспоминаний и чувством абсолютной опустошенности.

Прошло еще немного времени, мистер Смит открыл глаза и сам того не желая, заплакал. Он, наконец, чувствовал свое тело. Сквозь слезы старик увидел свет – обычный дневной свет, который лился из большого окна, что находилось как раз напротив места, где он лежал. Жмурясь с непривычки, мистер Смит попытался поднять руку, и это у него получилось. Он провел дрожащей рукой по лицу и, вытерев наполненные слезами глаза, увидел склонившегося над ним Уилсона.

– Ну вот и хорошо! – улыбаясь, заговорил тот. – Вот вы и пришли в себя, дорогой мой мистер Смит. Очень вы нас напугали, но, хвала небесам, все обошлось!

Уилсон сидел на стуле возле кровати, на которой, как оказалось, лежал старик.

– Где я? Что случилось? – прошептал Смит, пытаясь совладать со своим голосом, который звучал тихо и непривычно после долгого молчания.

– О, дорогой вы мой, с вами случился удар, как сказал доктор. Мы думали, что потеряем вас, но, к счастью, вы живы и обязательно поправитесь! – весело ответил Уилсон, внимательно глядя на приходящего в себя Смита.

– Удар? Но как же это, мистер Уилсон, я ничего не помню. Как это произошло?

Мистер Смит попытался приподняться на постели и сесть, но тело, занемевшее от долгой обездвиженности, плохо его слушалось, и он, ослабевший и изможденный, рухнул на кровать, застонав от бессилия.

– Даже не думайте вставать, мистер Смит! Доктор категорически запретил вам любые движения. Он, кстати, не верил, что вы придете в себя, но объяснил, что мы должны будем

сделать, если все же это произойдет. Вы теперь под полным моим контролем и будете выполнять только то, что я вам скажу! И не думайте сопротивляться!

Уилсон, глядя на беспомощного старика, пытался искренне улыбаться.

– Ваша дочь... – он не успел договорить, как мистер Смит, резко вскочив с подушки и упав на нее вновь, почти прокричал:

– Элиза, что с ней? Где она?

– Успокойтесь, мистер Смит, успокойтесь. С ней все в порядке, – Уилсон ласково похлопал по одеялу, которым был укрыт Смит.

– Но почему ее нет рядом? Что с ней, Уилсон?

Старик лихорадочно обвел глазами комнату и тут только понял, что находится у себя дома, в своей собственной кровати. От удивления он некоторое время не мог прийти в себя, и тысячи вопросов закружились в его голове.

Он вспомнил, как они с дочерью ехали в карете на встречу с графиней, и как лил сильный дождь, он вспомнил, как они шли по старой аллее и как он не мог докричаться до уходящих от него Уилсона и Элизы.

И в тот самый миг, когда он вспомнил все, что произошло с ним, он вновь почувствовал дикий животный страх, такой же, что накрыл его тогда на темной аллее старого имения.

– Где Элиза? – сдавленным голосом прошептал Смит, глядя в глаза улыбающемуся Уилсону.

В мутных глазах Уилсона на долю секунды вспыхнула злобная искра. Лицо его передернуло мелкой судорогой, отчего оно стало злым и страшным. Но это длилось всего секунду.

Уилсон встал и направился к столу. Он взял стоящую там бутылочку из темного стекла и, откупорив ее, уверенно накапал какие-то ярко-зеленые капли в стоявший там же стакан с водой. Вернувшись к лежащему старику, Уилсон поднес стакан к губам Смита и твердо произнес:

– Выпейте, мистер Смит. Это лекарство поможет вам быстрее поправиться. Выпейте, и я все расскажу вам.

Старик недоверчиво смотрел на зеленую жидкость в стакане, но, понимая, что бессилён и не может сопротивляться, решил подчиниться. «Господи, помоги!» – произнес про себя Смит и выпил содержимое стакана.

Он ожидал чего угодно, – резкой боли, остановки сердца, жутких судорог, – но ничего этого с ним не произошло. Тело было таким легким, почти невесомым. Его охватила сладкая истома, и стало спокойно и хорошо.

Откинувшись на подушки, мистер Смит чувствовал неземное блаженство, и все его страхи и дурные мысли отступили, оставляя лишь ощущение давно забытого счастья. Он заулыбался как ребенок и весело посмотрел на Уилсона, внимательно наблюдавшего за ним.

– Как вы себя чувствуете, дорогой мой? – натянуто улыбаясь, спросил он старика.

– О, Уилсон, спасибо вам! Я чувствую себя очень хорошо. Кажется, я совсем уже здоров, и мне так хочется поскорее встать с этой кровати.

Смит улыбался по-детски искренне и впрямь чувствуя себя озорным и полным сил ребенком, которому не терпится вскочить с кровати и кинуться гулять на улицу.

– Я же говорил вам, что теперь все будет хорошо! – загадочно улыбаясь, произнес Уилсон. – Так вот, мистер Смит, теперь давайте я продолжу.

Он придвинул стул поближе к кровати и сел на него, закинув ногу на ногу.

– С вашей дочерью, дорогой мой, как я уже и говорил, все очень хорошо.

Старик, услышав про дочь, на этот раз не испытал уже ни малейшего беспокойства за ее судьбу. Наоборот, при мысли о дочери его охватила безудержная радость, и он даже засмеялся тихонько. Почему-то он был уверен, что с его девочкой все в порядке. Его совсем перестал беспокоить вопрос где она и что же произошло с ними тогда на старой аллее.

Ничем не обоснованная, но категорическая убежденность, что все, что происходило и происходит с ним и с Элизой – большое благо для них обоих, прочно проросла в нем за считанные минуты после приема лекарства. Радостно улыбаясь, он лежал и слушал все, что говорит ему Уилсон, испытывая к нему сильнейшую симпатию.

Он с обожанием смотрел на сидящего перед ним человека и готов был, казалось, расцеловать его, так он был ему приятен.

– В общем, мистер Смит, дела обстоят так, – продолжил Уилсон, даже не пытаясь уже скрывать ухмылку, – вам стало плохо, и мы чуть было не опоздали к моей госпоже, пытаюсь привести вас в чувство. Я позвал слуг, и мы отнесли вас в домик садовника. Конечно же, ваша дочь очень испугалась и расстроилась произошедшим. Она даже хотела остаться с вами до того момента, пока не прибудет вызванный нами доктор, но, понимая всю важность предстоящей встречи и помня, как вы хотели помочь дочери получить место помощницы графини, я взял на себя роль заботливого отца, и, уверив мисс Смит, что за вами присмотрят и обязательно сообщат нам, когда прибудет доктор, я все же проводил ее в имение, где и представил хозяйке.

– О, благодарю вас, добрейший мистер Уилсон! – сквозь слезы проговорил Смит, испытывая к собеседнику все большую любовь. – Вы поступили совершенно правильно.

– Спасибо, мистер Смит, я был уверен, что вы оцените мои старания. Итак, я продолжу. Графиня довольно долго говорила с вашей дочерью и, как я, собственно, и предполагал, осталась очень довольна.

– Господи, вы сделали меня таким счастливым, Уилсон! – рыдая в голос и пытаясь встать, чтобы расцеловать своего благодетеля, мистер Смит был вновь остановлен настойчивым приказом Уилсона лежать и не пытаться двигаться.

Старик вновь откинулся на подушки и, глядя влюбленно на собеседника, слушал его лживый рассказ.

– Да, мистер Смит, ваша дочь произвела должное впечатление на миссис Краутц, и она предложила ей место помощницы на оговоренных ранее условиях. Мисс Элиза, к нашей общей радости, приняла это предложение и в данный момент, обосновавшись уже в Хеленвилле, приступила к своим обязанностям.

– Как, мистер Уилсон? Элиза теперь живет в Хеленвилле? – удивленный, но не расстроенный новостью, спросил Смит и тут же получил исчерпывающее объяснение правильности этого решения.

– Дорогой Смит, я ведь говорил вам, что у моей хозяйки довольно много дел. Они неотложны и требуют много сил и времени. Подумайте сами, ваша дочь, после целого дня забот и хлопот, уставшая, будет возвращаться домой, чтобы утром, замечу – ранним утром, вновь отправляться в Хеленвилль.

Это же просто бесчеловечно по отношению к ней. Миссис Краутц выделила вашей дочери прекрасную комнату, к ней приставлена служанка, которая выполняет ее поручения и удовлетворяет все потребности. Она удостоена чести обедать вместе с госпожой, и я уже не говорю о том, как много времени они проводят за работой.

Они прекрасно поладили, хотя, скажу вам откровенно, немногие люди устаиваются расположения графини, Смит. Так что дочь ваша окружена заботой и ни на что не жалуется. Мы сказали ей, что сейчас вы немного простужены, и навестить вас можно будет позже. А еще рассказали, что там на аллее, вы просто оступились, подвернули ногу и, падая, ударились головой, отчего и потеряли сознание.

Сами понимаете, дорогой, не мог же я сообщить мисс Элизе о вашем ударе, ведь она не смогла бы спокойно приступить к своим обязанностям и наверняка отказалась бы от места, желая быть рядом с вами. Тем более, зная, как вы сами желали устроить судьбу дочери, я решил, что стоит поступить подобным образом. Надеюсь, я все сделал правильно, дорогой мистер Смит?

– Ну что вы, что вы! Сам бог послал мне вас, Уилсон, – всхлипывая, произнес Смит. – Да благословит он вас и вашу хозяйку за доброту.

При этих словах Уилсон поморщился, как если бы откусил лимон, но быстро изобразив на лице дружескую улыбку, продолжил свой рассказ:

– Я уверил мисс Элизу, что вам оказана вся необходимая помощь и приставлен верный человек, который будет следить за вашим выздоровлением. Мы также договорились, что как только вы будете чувствовать себя лучше, она сможет навестить вас. Она, кстати, передала вам письмо.

Тут Уилсон достал из кармана сюртука конверт и, улыбаясь, протянул его Смигу.

– Мисс Смит объяснила мне, что вы, к сожалению, не умеете читать, и попросила, чтобы я прочитал вам ее послание, а также попросила записать для нее ваш ответ, если вы будете в состоянии его дать.

Смит взял конверт и почувствовал тонкий аромат жасмина, исходящий от него. Это был запах любимых духов Элизы.

«О, как же хорошо все складывается!» – думал старик Смит, открывая конверт и нежно глядя на написанное. Чувство безграничной любви окатило старика с ног до головы, и он, поцеловав исписанный красивым ровным почерком лист, протянул его Уилсону.

– Прочтите же мне его, дорогой мистер Уилсон. Я так хочу послушать.

Уилсон, ухмыльнувшись, взял письмо и начал читать. В письме Элиза рассказывала отцу, как ей нравится жить в замке. Она в превосходных степенях описывала свою хозяйку и всячески пыталась заверить родителя в том, что она счастлива и благополучна.

Смит слушал, вытирая текшие по лицу слезы радости. Все, что произошло с ним и его дочерью, было похоже на волшебный сон. Он был так счастлив, что, казалось, может умереть от переполнявших его чувств.

Как и было оговорено, Уилсон со слов старика записал обратное послание Элизе. В нем Смит успокаивал дочь, рассказывая, что за ним очень хорошо ухаживают, и здоровью его ничто уже не угрожает. Также он пообещал, что как только сможет передвигаться самостоятельно, обязательно приедет в Хеленвилль навестить ее и выразить благодарность миссис Крауц за ее доброту.

—

– В общем, Эдвард, я думал тогда, что все сложилось как нельзя лучше, и был совершенно счастлив.

Уилсон обещал навещать меня и привозить послания от Элизы. Так потянулись дни. Постепенно силы мои возвращались. Вскоре я совсем уже забыл о тех ужасах и кошмарных видениях, которые так долго меня мучали. Мне хотелось как можно скорее поправиться и съездить в имение, чтобы самому увидеть, как устроилась там моя девочка. Только это занимало меня тогда.

Да, Эдвард, совсем забыл сказать тебе! Ко мне приставили слугу, который не отходил от меня ни на шаг. Его звали Эван. Никогда раньше не видел я такого необычного человека. Ему было всего двадцать лет, но к своим годам он вырос настоящим гигантом! Когда он выпрямлялся во весь рост, то головой упирался почти в потолок дома и поэтому вынужден был ходить, наклоняясь.

Смит улыбнулся воспоминаниям.

– Он был похож на героя из сказки про великана, которую мне когда-то рассказывала моя матушка: высок, силен, как лев и к тому же красив, как бог.

Несмотря на свою грозную внешность, Эван был добр и невинен, как ребенок. Он заботился обо мне как о родном, и это было удивительно. Пока я не восстановил свои силы и не начал самостоятельно передвигаться, Эван носил меня на руках.

Эван, как оказалось, был нем, и я не мог ни о чем поговорить с ним, но мы сдружились, и я был благодарен своему молчаливому другу за помощь и поддержку. Порой мы сидели с ним за ужином, и я рассказывал ему о своей жизни, а он молча улыбался и кивал мне в ответ.

Его доброе лицо омрачалось лишь в те минуты, когда он, по приказу Уилсона дважды в день приносил мне то самое лекарство из темного пузырька. Он капал зеленые капли в воду и, протягивая стакан, старался не смотреть мне в глаза. Я видел, что что-то тяготит его, и он чувствует себя неуютно, но не мог понять почему.

Я даже не догадывался, что Эван опаивает меня колдовским зельем, чтобы ум мой не искал ответов на вопросы о моей дорогой Элизе, чтобы не стремился я увидеть ее как можно быстрее и выяснить, что же происходит с ней. Бедный мальчик!

Глаза Смита наполнились слезами.

– Как мне не хватает его. Я привязался к нему и могу заверить тебя, Эдвард, не по своей воле служил он темным силам, так уж сложились обстоятельства. Но только благодаря ему я смог выбраться из темницы, которой стал для меня собственный дом, и выяснить правду о том, что же случилось с моей дочерью на самом деле.

– Как же это получилось, мистер Смит? Как вы узнали правду, если Эван поил вас отравой? – нетерпеливо воскликнул Эдвард, пораженный рассказом старика.

– О Эдвард, если бы не его доброе сердце, я давно бы уже был в могиле. Но давай я расскажу тебе все по порядку, – продолжил Смит.

– Постепенно, день за днем принимая чертово зелье, я стал забывать все, что происходило когда-либо в моей жизни. Даже мысли об Элизе все реже посещали меня. Я жил, и мне казалось, что так было всегда: я, Эван, наш дом и нехитрое хозяйство. Мы часто гуляли, иногда беседовали с нашими соседями. Я каждый раз видел, как удивленно они рассматривают меня, но не понимал почему. А ведь этот проклятый Уилсон все рассчитал верно! Знаешь, почему они просто не убили меня, ведь это было самое простое решение? – спросил Смит.

– Да, я тоже подумал об этом, – ответил Эдвард. – Им и впрямь было бы легче избавиться от вас сразу. Зачем все эти лишние заботы?

– В том-то и дело, Эдвард! – злобно улыбаясь, ответил Смит. – Все было продумано до мелочей. По слухам, которые, как я уверен, распустил в городе Уилсон и его шайка, дочь моя сбежала и бесследно пропала, а я сошел с ума от горя.

– Да, мистер Смит, вы правы. Так все и было, – разволновавшись, заговорил Эдвард. – Я был глубоко потрясен известиями о том, что Элиза исчезла. Но это уже меня не касалось, я тогда старался даже не думать о ней!

– Но почему? Почему, Эдвард? – удивился Смит.

– Мистер Смит, незадолго до того, как я узнал, что Элиза пропала, я получил от нее письмо, – явно мучаясь этими воспоминаниями, заговорил Эдвард. – В нем она сообщала, что не может стать моей женой, так как выходит замуж за другого, и просила больше не беспокоить ни ее, ни вас.

– Боже! Бедный мой мальчик! – воскликнул Смит. – Ты тоже поверил в эту ложь! Теперь ты понимаешь, как они ловко все подстроили?

– Признаться, мистер Смит, я был просто убит этим письмом, ведь буквально за несколько дней до этого мы с Элизой решили пожениться, и я хотел просить у вас ее руки. Я даже сообщил о своем решении родителям, и они просили меня познакомить их с моей избранницей.

Эдвард вскочил из-за стола и забегал по комнате, хватаясь за голову и переживая вновь те горестные чувства.

– Мне пришлось объясняться со своими родителями. Мне пришлось рассказать им о письме, – Эдвард почти плакал, вспоминая те события. – О, ведь это я сам дал повод для этих сплетен об Элизе. Боже, какой я глупец! Я был так зол и подавлен, что рассказал нескольким друзьям о произошедшем.

– Но ты же ничего не знал, Эдвард! – воскликнул Смит. – Они все продумали верно. Ты никогда бы уже не появился на пороге нашего дома. А после этих слухов пошли другие, ты наверняка слышал и их. Это были слухи о смерти Элизы и моем помешательстве.

– Да, мистер Смит, все именно так и произошло, – обреченно произнес Эдвард.

– Представляешь, Эван водил меня на прогулки, и люди видели, в каком плачевном состоянии я нахожусь. Я не помнил никого из тех, кого мы встречали, но они-то хорошо меня знали! – с горечью продолжил Смит. – Всем вам сказали, что добрейшая миссис Краутиц, тронутая моей историей, взяла на себя все заботы обо мне, приставив своего человека. Все шло точно по их плану. Исчезновение Элизы объяснено, моя болезнь очевидна, а последующая моя смерть не вызвала бы ни у кого вопросов.

– Но расскажите, ради бога, как же вам удалось избежать смерти, мистер Смит?

Эдвард сел за стол, и старик продолжил свой рассказ.

– О, Эдвард, только чудом удалось мне вырваться из этого капкана.

Я столько месяцев жил не своей жизнью, мой мальчик, и лишь по ночам, погружаясь в сон, возвращался в далекое прошлое, где когда-то был счастлив с женой и где я растил свою любимую девочку.

Спящий днем ум мой, ночью показывал картины прошлой жизни, и только во сне я вновь вспоминал, что дочь покинула меня. Я пытался разыскать ее, крича и плача от отчаяния. Каждую ночь я просыпался от своих же воплей и видел сидящего рядом Эвана, который гладил меня по лицу, успокаивая.

Стоило мне открыть глаза и получить очередную порцию зелья, как я вновь забывал о том, что было так дорого и важно для меня. Эван, конечно же, слышал, как во сне я зову Элизу, и понимал, что я страдаю без нее, но он ничем не мог помочь мне.

Настал день, когда я не мог вспомнить, о чем это я постоянно рассказывал своему другу, и это неприятное чувство потери чего-то важного появилось во мне, разрастаясь с каждым днем все сильнее. Я забыл дочь, забыл жену, я забыл свою жизнь, Эдвард. Пустота поглотила меня, и я стал угасать.

Я не понимал, что со мной происходит, и только мысль о скорой смерти неотступно преследовала меня. Думаю, мне оставалось совсем немного, и мучения мои были бы кончены. Но добрый Эван, видимо, не мог больше видеть, как проклятое зелье убивает меня, и, нарушив приказ, перестал поить меня смертельным питьем.

Как я узнал позже, за нарушение этого приказа Эвана ждало страшное наказание, но он не смог пойти против совести и отказался взять грех на душу. Мой храбрый мальчик! – дрожащим голосом, сдерживая слезы, проговорил мистер Смит. – Только благодаря ему я сейчас сижу рядом с тобой, Эдвард!

Организм мой, постепенно избавляясь от отравы, восстанавливался, и с каждым днем все чаще и чаще меня стали преследовать отрывочные воспоминания о девушке, лицо которой я все никак не мог увидеть. Мысли о ней появлялись в моей голове, и я пытался понять, кто эта девушка и почему я так много думаю о ней.

Так продолжалось некоторое время, пока в один из дней, обедая вместе с Эваном, я не произнес вслух имя, которое появилось в моей голове. Сам того не ожидая, я произнес имя Элизы и, удивившись сам себе, взглянул на Эвана. Я увидел, как побелело его лицо и он, вскочив со своего места, кинулся куда-то вглубь комнаты.

Через несколько секунд он вернулся, неся что-то в руках. Он сел на свое место напротив меня и протянул небольшой портрет в серебряной рамке. Я взял его в руки, и в тот момент, когда увидел лицо изображенной там девушки, меня как будто пронзили тысячи молний.

– Элиза! – прохрипел я имя дочери, и в голове, как после жуткого похмелья, четко и ясно нарисовалась картина всего произошедшего со мной.

Я сидел пораженный и раздавленный, а воспоминания все появлялись и появлялись в моей голове. Мне казалось, что я схожу с ума. Эван сидел и смотрел на меня, страдая не меньше. Он ждал, когда я немного приду в себя, и был очень напуган, так как не знал, как я поведу себя, вспомнив, наконец, все то, что должен был забыть навсегда. Когда в голове моей выстроилась страшная, но единственно верная картина произошедшего, одна лишь мысль застучала в ней: «Элиза!»

– Где она? Что с ней? Она жива? – я почти прокричал эти вопросы, и Эван испуганно закивал, мыча уверенно, давая понять тем самым, что дочь моя жива.

Он знаками показывал, чтобы я успокоился, и постоянно оглядывался на дверь, как будто боясь, что кто-то может войти. Я же, понимая, что человек, которого я считал своим другом – всего лишь тюремщик, обозлился и закидывал его оскорблениями.

Я кричал, что он слугитель сатаны и что его ждут все муки ада за то, что он сделал со мной. Эван сидел, опустив голову, и лишь кивал, соглашаясь со всем, что лилось на него.

Когда ярость моя улеглась немного, я вновь сел к нему за стол и, понимая, что без Эвана вряд ли узнаю, что же сейчас с Элизой, заговорил с ним, но уже более сдержанно и спокойно. Я попросил его помочь мне, и он закивал, грустно улыбаясь. Я не буду вдаваться в подробности нашего разговора, Эдвард. Это был непростой и мучительный момент.

Как мог, Эван пытался донести до меня все, что знал, и то, что мне удалось понять, повергло меня в ужас. Я задавал вопросы, а Эван всеми способами старался ответить на них. Он кивал, мычал, вскакивал и пытался изображать что-то. Он мог писать, но, к сожалению, я не умел читать и, злясь на себя за это, поклялся освоить эту науку, если смогу спасти дочь и себя из ловушки.

Эван рисовал картинки, и они сводили меня с ума, так как изображенное на них говорило о том, что сражаться мне придется с силой, неподвластной никаким человеческим законам.

То, что мы стали жертвами нечистой силы, было неоспоримо, но как действовать против этих могущественных сил? Кое-как объяснившись знаками, я понял, что сегодня вечером с очередной проверкой к нам придет Уилсон, и мне нужно будет притвориться спящим, чтобы не выдать себя и не навредить Эвану. Он показал, что я должен внимательно слушать, о чем пойдет разговор, и я пообещал ему это.

—

Ближе к ночи появился чертов прихвостень Уилсон, и мне стоило больших усилий, чтобы не вскочить с кровати и не вцепиться негодяю в глотку. Он вошел по-хозяйски и принялся расспрашивать Эвана о том, как мы живем. Он задавал вопросы, а Эван писал ответы на бумаге.

Я же лежал, отвернувшись к стене, боясь выдать себя хоть чем-то. Уилсон спросил, как долго я уже сплю, и Эван написал ему, что я не приходил в себя уже три или четыре дня. Уилсон приблизился к моей кровати, и кровь застыла у меня в жилах. Он поднес руку к моему носу и, почувствовав дыхание, произнес:

– Жив пока, но думаю, ждать осталось недолго. Скоро с ним будет покончено.

Он приказал и дальше давать мне капли, насильно вливая их, если не удастся разбудить меня. Эван утвердительно замычал. Уилсон, довольный увиденным, похвалил его за преданность и собирался уже было уйти, но Эван замычал громко и настойчиво. На некоторое время

в доме воцарилась тишина, и я понял, что он пишет что-то. Через несколько минут я услышал ответ:

– Думаю, ты заслужил это, дорогой мой молчун, хотя старик еще жив, и работу свою ты не закончил. Я ценю твою преданность и, так уж и быть, просьбу эту выполню! – смеясь, сказал Уилсон. – Завтра вечером ты увидишь свою мать. Кректон привезет ее сюда. Часа три вам хватит, чтобы наговориться? – и, хохоча над своей жестокой шуткой, Уилсон покинул мой дом.

Я вскочил, трясаясь от ярости и желания убить негодяя. Я спросил у Эвана, правильно ли я понял, что завтра к нам привезут его мать, и он, заплакав, как ребенок, закивал в ответ.

Как я узнал, она была служанкой графини, и сейчас ее жизнь зависела от того, доведет ли Эван до конца порученное ему злодейство. Мой несчастный Эван, как мне было жалко его!

Я почти не спал всю следующую ночь, Эдвард, ведь встреча с матерью Эвана была так важна для всех нас. Я наконец-то смогу узнать что-то о дочери и смогу поговорить с кем-то, а ведь я не делал этого, как выяснилось, больше полугода.

Кое-как дожив до следующего вечера, мы с Эваном приготовились к встрече. К назначенному часу я, как и предыдущим днем, лежал в кровати, делая вид, что нахожусь без сознания, а Эван сидел за накрытым столом. Услышав звук приближающейся кареты, он кинулся к двери и, распахнув ее, ждал, когда появится его мать. Я услышал, как зарыдала во весь голос женщина, и замычал, плача, Эван, и понял, что они обнимают друг друга. Глаза мои защипало, но я сосредоточился и ждал.

Скрипучий голос Кректона раздался в доме, и я сразу же вспомнил того, кому он принадлежал. Это был тот самый одноглазый слуга, что вез нас на встречу в имение в тот роковой вечер. Бесцветным голосом он сказал, что у Эвана и его матери есть три часа, и что по истечении этого времени он вернется за Колет – так звали мать Эвана – и отвезет ее в имение.

Когда дверь за одноглазым закрылась, я вскочил с кровати и так напугал этим бедную женщину, что она чуть было не завопила от ужаса. Эван прижал к себе испуганную мать, мыча что-то успокоительное, пытаюсь объяснить ей, что я не представляю никакой угрозы. Я же, желая исправить оплошность, заговорил ласково и учтиво:

– Мэм, простите меня, ради бога! Не бойтесь! Я прошу вас, только не кричите!

Я сделал несколько шагов назад. Эван, продолжая мычать, взял мать за руку и отвел к накрытому столу. Он усадил растерянную женщину и сам сел рядом, беспрестанно глядя ее по руке и улыбаясь. Колет недоверчиво смотрела то на меня, то на сына, не понимая, что происходит.

– Мэм, уверяю, я не причиню вам никакого зла, – продолжил я. – Меня зовут Смит, мэм, и это мой дом. Ваш сын – мой добрый друг, и я очень привязался к нему за то время, которое мы были вместе. Он стал мне почти как сын.

Женщина немного успокоилась, видя, что Эван улыбается и кивает всему мною сказанному. Она прижалась к своему гиганту и зарыдала у него на плече. Эван обнимал мать, целуя её руки и мыча что-то ласково. Я знал, что они не виделись очень давно, и дал им время просто посидеть, обнявшись. Сам же я осторожно присел за стол напротив замерших в объятиях друг друга матери и сына.

– Мистер Смит, меня зовут Колет, – заговорила женщина через некоторое время, оторвавшись от груди Эвана и вытирая текущие по ее лицу слезы. – Я знаю кто вы! Простите, я так испугалась. Просто я не думала, что вы... – она замолчала, растерянно глядя на Эвана. – Вернее, я думала, что вы уже... – она замаялась, и видно было, как ей неловко говорить обо всем происходящем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.